

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

НЕВИДИМЫЕ СИЛЫ

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

Антон Грановский

Невидимые силы

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грановский А.

Невидимые силы / А. Грановский — «Эксмо», 2015 — (Марго
Ленская и дьякон Андрей Берсенов)

ISBN 978-5-699-83618-5

Игоря и Платона когда-то сблизило то, что оба они обладали экстрасенсорными способностями. Но с тех далеких времен их пути разошлись: Платон использовал свой дар, чтобы творить добро, а Игорь... Игорь стал его заклятым противником. И больше всего на свете он мечтал завладеть кулоном Чивера – магической реликвией, обладающей огромной силой... Настя Лаврова вела обычную жизнь беззаботной студентки, пока не стала случайной обладательницей занятной вещицы – кулона из серебристого металла с красным камнем. При попытке вернуть кулон обронившей его женщине Настя чуть не погибла от рук напавших на нее бандитов и решила избавиться от опасной вещи. Но хозяин ломбарда неожиданно согласился заплатить за него астрономическую сумму, и Настя пока оставила кулон у себя, не подозревая, что тем самым она навлекает на себя гнев неведомых и страшных сил...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83618-5

© Грановский А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Антон Грановский, Евгения Грановская

Невидимые силы

© Грановская Е., Грановский А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Голодным волком смотрит тощий конь.

Клинок и латы превратились в прах.

А в небе рыщет призрачный дракон...

Иль это твоя тень на облаках?

Джон Доусон

Хотите изменить свою жизнь к лучшему?

Экстрасенсы, ясновидящие, гадалки, астрологи

– помогут вам стать счастливее в любви;

– предскажут будущее;

– расскажут, как добиться богатства и успеха.

Звоните по телефону, указанному ниже.

Из объявления в Интернете

Пролог

Москва, сентябрь 1993 г.

В этот ранний час Москву было не узнать. Игорь, Платон и Ника, студенты университета, приехали на Тверскую первым поездом метро. Все трое зевали и поеживались от утренней свежести, с изумлением вертя головами и разглядывая преобразившийся центр города. Брусчатка была выломана, бордюры раскурочены, деревья на тротуарах спилены. Слева и справа от ребят возвышались настоящие баррикады. До этого Игорь, Платон и Ника видели баррикады только в кино, поэтому весь этот «революционный пейзаж» казался им чем-то нереальным – частью горячего сна или картинкой из художественного фильма.

Людей было не так много, как следовало ожидать. Они кучковались небольшими группами вдоль улицы, сидя на деревянных ящиках и о чем-то беседуя. При этом выглядели усталыми, бледными и неприятно возбужденными. У одних в руках были автоматы, у других – палки. В конце улицы пожилые люди (в основном женщины) громоздили на баррикады обломки кирпичей и серые камни брусчатки. Неподалеку от них трое парней снимали с грузовика ящики с хлебом и ставили прямо на проезжую часть.

Где-то в отдалении, за два-три квартала от главной улицы города, довершая сюрреалистичность зрелища, потрескивали автоматные выстрелы.

Платон Хамдаев, высокий темноволосый парень с серьезным лицом и чуть раскосыми карими глазами, осматривал улицу хмурым, недоверчивым взглядом. Его друг Игорь Келлер, коренастый, русоволосый, голубоглазый, напротив, улыбался, словно увиденное доставляло ему удовольствие. В ясных серых глазах Ники не читалось ничего, кроме любопытства. Среднего роста, стройная, почти худая, с красивым лицом и бронзово-рыжими волосами, она была похожа на девочку-переростка или даже на веселого, непоседливого и хорошенького щенка.

Ника была младше своих спутников на два года, она училась на первом курсе юридического, а с третьекурсниками-философами Платоном и Игорем познакомилась всего два месяца назад, на студенческой вечеринке. Она знала, что парни влюблены в нее, и была готова ответить одному из них взаимностью, но не знала, кому именно. Ей нравились оба.

Где-то в отдалении застрекотал автомат. Платон поежился.

– Зря мы сюда приехали.

– Ничего не зря! – с жаром возразила Ника. – Здесь и сейчас делается история. И мы можем стать ее частью.

Игорь Келлер покосился на приятеля и проговорил с усмешкой:

– Скучный ты человек, Платоныч. Лучше гляди внимательней – будет, что рассказать внукам.

– Тоже мне «история», – хмуро пробормотал Платон. – Одни оголтелые люди стреляют в других оголтелых людей. – Он сунул руки в карманы длинного поношенного пальто и снова поежился. – Слушай, Ник, поехали в общагу, а? Мне еще доклад по систематике готовить. А тебе реферат по зарубежке через два дня сдавать, сама говорила.

Ника ласково посмотрела на Платона, погладила его по плечу и с улыбкой попросила:

– Платош, не будь занудой.

– Вот-вот, Платоша, не будь занудой, – поддакнул, ухмыляясь, Игорь. – Ник, идем к баррикадам. Посмотрим поближе.

Он взял Нику за руку и потянул к нагромождению деревьев, штакетника, железных оград и выломанных из брусчатки булыжников.

– Ребят, стойте! – окликнул их Платон. – Я слышал, в городе орудуют снайперы! Они могут открыть огонь по баррикадам!

Игорь обернулся и крикнул:

– Езжай в общагу, зануда, без тебя веселее!

И потащил Нику дальше.

И тогда Платон не сдержался.

«Остановись, – мысленно приказал он, стиснув зубы и глядя на спину удаляющегося приятеля. – Не ходи туда».

И тут же черная молния яростно пресекла его послание.

«Отстань от нас!»

Платон покачнулся, удивленно хлопнул ресницами и потер лоб. Но тут же снова попробовал «дотянуться» до Келлера и усилил нажим.

«Иди сам, если хочешь. Но Нику за собой не тащи. Это опасно».

«Она тебе не жена и не невеста! – огненным прочерком полыхнул в голове ответ. – Отстань!»

Последний ментальный удар оказался очень сильным, Платон скривился от боли и, вскинув руки, сжал пальцами виски.

«И когда Келлер научился так сильно *бить*?» – с изумлением и досадой подумал он.

Тем временем Игорь и Ника остановились возле баррикады. Ника о чем-то заговорила с двумя мужчинами, в руках у которых были автоматы. Они отвечали чуть насмешливо, но приветливо.

«Может, они и правы, – подумал Платон, глядя на своих друзей. – Наверное, я и правда чересчур сильно нагнетаю. А может, все это из-за ревности? Игорь ей нравится больше, чем я, это очевидно. Он веселый, решительный. А я вечно думаю, выбираю... Занудствую. С Игорем ей интереснее, чем со мной. Он настоящий человек действия».

Платон тяжело вздохнул.

До семнадцати лет сын «потомственного алтайского шамана» и русской учительницы Платон Хамдаев был уверен, что он такой один, и даже считал себя кем-то вроде уродца. Но встреча с Игорем Келлером все изменила. Игорь обладал таким же даром, как и Платон, и при этом совсем не считал себя уродом или выродком. Скорее даже наоборот. «Мы с тобой избранные, чувак! – постоянно говорил он. – Ты только подумай: нас с тобой только двое таких – на все человечество! Представляешь, каких дел мы можем натворить?!»

Ника ничего не знала об их способностях. Платон и Игорь с самого начала договорились, что не будут «давить» на Нику и выпендриваться перед ней, соревнуясь в крутости. Решить исход соперничества должны были исключительно человеческие качества. Иначе все могло плохо кончиться. Первым такие правила игры предложил Платон, Игорь – нехотя поддержал.

С момента договора прошло два месяца, а Ника до сих пор твердила, что они нравятся ей оба, и, кажется, не собиралась делать выбор.

Подумав об этом, Платон снова вздохнул и двинулся за удаляющимися друзьями.

Они не сразу поняли, с какой стороны донеслись гулкие хлопки выстрелов. Игорь схватил Нику за плечо и буквально швырнул за баррикаду.

– Пригнись! – почти восторженно крикнул он.

Платон как раз подошел к ним и теперь тоже поспешно присел на корточки.

– Снайпер фигачит! – радостно проговорил Игорь. – Кажись, вон с того дома!

Он показал на серое многоэтажное здание.

– Я же предупреждал, – проворчал Платон. – Поехали в общагу, пока нас не пристрелили.

– Не бойсь, все будет тип-топ, – усмехнулся Игорь. И осторожно высунулся из-за баррикады, пытаясь разглядеть засевшего на крыше снайпера. – Я знаю, где этот козел, – сказал он затем. И послал мысленный вопрос: «Может, попробуем его снять?»

«Нет, – так же мысленно ответил Платон. – Это может быть опасно».

– Зануда ты, Хамдаев! – заметил Игорь вслух. Повернулся к Нике и весело проговорил: – Ник, и что ты только нашла в этом... – Внезапно Келлер осекся и пристально взгляделся в лицо девушки.

Она сидела на корточках, привалившись плечом к железным прутьям забора.

– Ника? – позвал Игорь, и голос его непонятно дрогнул.

Она не отозвалась.

– Ника! – Игорь схватил ее за плечи и повернул к себе.

Ее широко открытые глаза смотрели перед собой невидящим взглядом слепца. Лицо было бледным, а на лбу слева, возле виска, темнела багровая дырочка.

Платон подскочил к Нике, оттолкнул Игоря, присел рядом с ней, осторожно обхватил ладонями ее голову и чуть откинул назад.

– Пулевое, – прохрипел он севшим голосом.

– Что? – растерянным шепотом переспросил Игорь.

Платон осторожно опустил Нику на железную решетку, повернулся к Игорю и произнес странным, каким-то деревянным голосом:

– Она мертва.

Секунду или две Игорь смотрел на Нику выпученными глазами, потом схватил ее за плечи, рывком потянул на себя и быстро, скороговоркой, произнес, обращаясь к Платону:

– Вместе! Как с бокалами, помнишь?! Давай!

Повторять не понадобилось. Оба, Платон и Игорь, пристально уставились на входное отверстие пули. Кожа вокруг ранки слегка завибрировала, потом из багровой дырочки выплеснулся темный сгусток крови... А вслед за тем показалась и сама пуля, темная, чуть сплюснутая, она вывалилась из ранки и с тихим стуком упала на асфальт.

– Ника, дыши! – закричал Игорь, схватив девушку за плечи и встряхнув. – Я приказываю тебе – дыши!

– Мы не сможем, – произнес у него за спиной Платон. – Слишком поздно.

– Заткнись! – рявкнул, не оборачиваясь, Келлер.

– Она мертва, Игорь, – все тем же деревянным голосом сказал Платон. – Ника умерла.

Игорь его уже не слушал. Он положил пальцы на багровую ранку и сосредоточился.

– Что ты собираешься делать? – спросил Платон.

Игорь не ответил. Лицо его побелело, голубые глаза словно бы выцвели, стали прозрачными, как вода.

– Келлер, хватит! – голос Платона сорвался на хрип. – Дай ей уйти.

– Нет, – сказал Игорь.

– Отпусти ее... Прошу.

– Нет! – еще яростнее произнес Игорь.

Платон увидел, как ранка на лбу Ники затянулась тонкой, полупрозрачной кожей.

– Помоги мне! – хрипло попросил Келлер.

– Что? – не понял Платон.

– Мне нужна твоя помощь. Дай руку!

Игорь схватил Платона за руку и судорожно стиснул его ладонь своими горячими сильными пальцами.

– Что ты собираешься делать? – тихо спросил Платон.

– Я верну ее, – ответил Игорь. – А теперь помолчи.

И он закрыл глаза. Пару секунд ничего не происходило, а затем Игорь вдруг оцепенел, дыхание его остановилось, а пальцы, сжимающие ладонь Платона, стали стремительно холодеть. Платон испугался, что друг умер, но почти тотчас же взял себя в руки и сосредоточился на лице Игоря.

– Нет! – глухо, почти беззвучно произнес вдруг Келлер, и Платону показалось, что голос донесся не из гортани друга, а откуда-то издалека, из такого далека, что и представить себе невозможно.

Прошло еще немного времени.

– Вернись... – тихим эхом донеслось до слуха Платона. – Не отдам...

На лице Келлера отобразилось невероятное страдание, смешанное с досадой и отчаянием. Платон понял, что происходит. Пребывая в каком-то невероятном трансе, Игорь словно бы отправился вдогонку за стремительно отдаляющейся Никой, за ее тенью, за ее душой – как это делали алтайские шаманы.

Платон чувствовал, как его энергия и силы стремительно, словно ток, перетекают к Игорю через крепкую сцепку их рук.

И вдруг с лицом Игоря стало происходить нечто жуткое: кожа, хрящи и кости пришли в движение, черты стали стремительно меняться, не только придавая лицу разные выражения, но и влияя на его структуру, саму внешность. Словно бы лицо Келлера превратилось в зеркало, в которое, быстро сменяя друг друга, смотрели разные люди. Надменное лицо аристократа сменилось широкой, багровой физиономией разбойника, светлый лик святого – хмурым лицом аравийского воина... Менялись черты, менялся цвет кожи, менялась даже структура волос. Словно Келлер стремительно пробегал по всем своим земным воплощениям, ныряя из одной прошлой жизни в другую.

У Платона от ужаса и слабости закружилась голова. Дыхание стало поверхностным, он понял, что еще немного и потеряет сознание от полного энергетического истощения. Платон попытался высвободить руку, но Игорь держал ее невероятно крепко. Головокружение усилилось, из носа Платона хлынула кровь, в ушах зашумело.

Он снова дернул руку, и на этот раз ему удалось освободиться от железной хватки друга. В тот же миг лицо Келлера снова оцепенело. Прошла секунда, другая... Потом он медленно, как бы с усилием, открыл глаза и посмотрел на Платона. И вдруг что-то произошло. Платон уловил как бы легкое дыхание сухого ветра и почувствовал, как волоски у него на коже встали дыбом. Грудь Ники резко приподнялась, словно кто-то вдохнул ей в рот воздух. На бледных щеках проступили розоватые пятна румянца. Грудь опустилась, а потом – потом она задышала.

– Она жива?.. – хрипло прошептал Игорь. – Мне... удалось?

Лицо Платона было серым от пережитого кошмара, в чуть раскосых глазах застыло горе. Он разомкнул губы и тихо произнес:

– Это уже не она, Игорь. И ты это знаешь. Ника сейчас *далеко*. Ты... сделал только хуже.

Секунду они пристально смотрели друг другу в глаза, и вдруг Платон понял, что человек, сидящий перед ним на асфальте, – это уже не Игорь Келлер. В сердце у Платона засадила тупая игла тоски, он разомкнул губы и сипло сказал:

– Я вызову «Скорую».

Глава первая

Кулон

1

Москва, наши дни

Владелица ресторана «Уют» Инна Львовна Крутова положила сигарету в пепельницу, взяла со столика пульт и прибавила звук телевизора. На экране одутловатый толстяк с маленькими глазками, претенциозно надувшись, отвечал на вопросы ведущей, тощей дамы в черной шапочке с вуалью.

– Господин Птицын... – Улыбка телеведущей под вуалью была сладкой, как малиновый сироп. – Вы победитель первого в стране телешоу «Сражение экстрасенсов». Каковы ваши ощущения?

Толстяк улыбнулся и снисходительно ответил:

– Я чувствую усталость. Как после хорошо сделанной работы.

Ведущая кивнула, дав понять, что ответ ее полностью удовлетворил. И продолжила:

– Социологические опросы показывают, что большинство людей не верит в существование экстрасенсов. Вас... ну, то есть таких, как вы... считают шарлатанами и жуликами. Что вы на это скажете?

– Ничего. – Толстяк повернул голову и посмотрел в камеру, и от взгляда его рестораторше Крутовой стало слегка не по себе. – Как написано в Библии, – продолжил экстрасенс Птицын, – «каждому воздастся по вере его».

Ведущая опять кивнула маленькой головкой.

– Многие считают экстрасенсов настоящими колдунами, – снова зашебетала она. – Виталий Григорьевич, лично вам нравится, когда вас так называют?

– Колдун, волшебник, маг... – протянул экстрасенс. – Называйте, как хотите. – Затем он усмехнулся. – Хотя слово «маг» мне нравится больше. В отличие от слова «колдун» оно звучит почтительно и даже слегка торжественно.

– Во время второго тура вы продемонстрировали, что можете забираться людям в головы и вызывать галлюцинации. Как вы это делаете?

– Галлюцинации? – Птицын чуть прищурил одутловатые веки. – Вы о чем?

– Все члены жюри видели, как вы поднялись в воздух и парили! И еще – как изо рта у вас вылетел настоящий голубь!

– Ах, вот вы о чем. – Толстяк экстрасенс тонко усмехнулся. – А кто вам сказал, что это была галлюцинация?

Ведущая на секунду растерялась, но тут же взяла себя в руки и проговорила с понимающей улыбкой:

– Ну, разумеется. Господин Птицын, а скажите...

Инна Львовна Крутова взяла пульт и выключила телевизор.

– Господи, что за чушь показывают! – поморщилась она и достала из лежащей на столе пачки новую сигарету.

В дверь кабинета постучали.

– Да! – откликнулась Крутова и сунула сигарету в накрашенные губы.

В кабинет вошла светловолосая девушка.

– Можно? – робко спросила она. – Я Маша, насчет работы. Вы мне назначили.

– Ах, да. – Крутова шелкнула зажигалкой, закурила и только потом добавила: – Проходите, садитесь.

Девушка сделала несколько шагов и села на указанный стул, прямо напротив Инны Львовны. Несколько секунд рестораторша в упор разглядывала девушку. Ту это, похоже, нисколько не смущало. Она хлопала длинными ресницами и улыбалась Крутовой так, словно пришла сюда не за работой, а за премией.

«Ну, я тебе покажу премию», – подумала Инна Львовна с едва заметной усмешкой.

– Можно я закурю? – попросила вдруг девушка красивым глубоким голосом.

Крутова нахмурилась. Таким голосом полагалось разговаривать самой Инне Львовне, а не этой двадцатилетней пигалице в дешевом прикиде.

– Много курите? – спросила владелица ресторана, пододвигая к собеседнице пепельницу в виде белой морской раковины. Сделала она это кончиками пальцев, так, чтобы у девушки была возможность хорошенько разглядеть ее красивые длинные ногти, над которыми полтора часа работала лучшая в городе маникюрша.

– Да нет, не очень, – улыбнулась девушка, доставая из сумочки сигареты и не обращая никакого внимания на роскошный маникюр. – Пачки хватает дня на три. – Внезапно она подняла глаза на Крутову. В ее взгляде промелькнула тревога. – А что, здесь нельзя? Тогда я не буду. – И поспешно добавила: – Бросить курить для меня не проблема.

«Ага, задергалась. Ну, вот так-то лучше», – подумала Крутова, а вслух сказала:

– Почему же, курите... Только не стряхивайте пепел на пол.

Девушка улыбнулась и аккуратно вставила сигарету в пухлые алые губки.

«А ноготочки-то у нас накладные, – с удовольствием подумала Инна Львовна, разглядывая длинные пальцы рыжей красотки. – Да и фигурка не очень. Талия, конечно, хороша... Грудь, ноги... Но в целом, пожалуй, крупновата».

Инна Львовна позволила себе снисходительную улыбку. Крутова считала себя властной и сильной женщиной, видящей людей насквозь. Под ее проницательным взглядом сжимались в комки даже рослые хамоватые грузчики. Но на эту девчонку взгляд Крутовой абсолютно не действовал. И это было более чем странно.

К своим сорока трем годам Крутова стала обладательницей внушительного банковского счета, осиной талии (плод изматывающих тренировок в спортивном зале), стройных ног, открытых для обозрения до самых бедер, и чувственного хрипловатого голоса, сводящего – в этом она не раз убеждалась – мужчин с ума.

Следы увядания уже коснулись лица Инны Львовны, но она вела с ними непримиримую борьбу и пока что выходила из этих схваток победительницей.

Столбик пепла упал с сигареты на юбку Инне Львовне. Она стряхнула пепел с юбки. Висящий на платиновой цепочке кулон ярко блеснул. Обратив на него внимание, Инна Львовна на пару секунд отвлеклась от предмета беседы и невольно залюбовалась изысканным украшением.

Занятная была вещица, непростая. И досталась Инне Львовне необычным образом. Два дня назад Крутова, гуляя по бульвару, зашла в интересную лавочку, а вернее даже, магазинчик, который назывался «Экзотические товары». Внутри царил полумрак, на полках стояли африканские и индейские маски, фигурки из черного дерева и бутылки с разноцветными жидкостями, надежно закупоренные пробками. В двух бутылках Инна Львовна увидела настоящих змей, что, впрочем, ее ничуть не удивило, так как она встречала такое и прежде.

Продавец, раскосый азиат в дурацком лохматом халате, приветливо поздоровался с Крутовой на ломаном русском и поинтересовался, не желает ли она приобрести «восточный сувенир». Инна Львовна не желала. Она уже хотела уйти из магазинчика, как вдруг взгляд ее упал на небольшую витринку с разнообразными украшениями. Среди нефритовых и деревянных четок, дешевеньких колечек и ярких кулонов Инна Львовна разглядела кулон из белого

металла с красным камушком посередине. Кулон был размером со спичечный коробок, вокруг камушка гибкими переплетенными змейками вился узор, отдаленно напоминающий арабскую вязь.

Продавец проследил за взглядом посетительницы и тут же с дежурной улыбкой сообщил:
– Красивый броська, как раз тебе идет. Покупай, буду сделать скидка!

Инна Львовна смотрела на «красивый броська». Красный камушек мягко мерцал и словно говорил: «Купи меня. Купи». Неожиданно для себя самой Крутова вынула из сумочки кошелек, а из него – все наличные деньги и протянула узкоглазому продавцу:

– Здесь четыре с чем-то тысячи. Если не хватит, могу расплатиться карточкой.

– Не надо картоська, – замотал головой продавец. – Этого хватит!

Он взял деньги, открыл стеклянную крышку прилавка, достал кулон и протянул Инне Львовне.

С того момента прошло уже два дня, и за эти два дня Крутова ни разу не пожалела о своем странном поступке. Кулон словно приворожил ее, и она не расставалась с ним ни на миг.

– Инна Львовна, – тихонько окликнула девушка.

Крутова качнула головой и уставилась на молодую претендентку.

– Опыт у меня небольшой, – проворковала девушка. – Но я готова учиться.

Инна Львовна решила прибегнуть к другой тактике. Она сменила снисходительную улыбку на кривую усмешечку и принялась нагло разглядывать девушку, что называется, раз-девать глазами. Пусть знает свое место. Брезгливо приподняв нарисованную бровь, Крутова резко произнесла:

– Надеюсь, что это так. От желающих получить эту работу нет отбоя. Нам нужен умный, ответственный человек. Вы понимаете, о чем я?

Девушка кивнула.

– От вас будет зависеть не только своевременная поставка продуктов питания, – продолжила Инна Львовна, – но и репутация нашего заведения. Вы отдаете себе в этом отчет?

– Да, да, конечно, – поспешно заверила ее девушка.

– Три основных правила, золотце, – прохрипела Инна Львовна и выпустила в сторону собеседницы облако сизого дыма. – Три! Если вы готовы их соблюдать – мы сработаемся. Если нет – выход направо, и не будем отнимать друг у друга время. Не знаю, как ваше, а мое стоит недешево.

– Я готова выслушать, – сказала девушка, изящным движением поправила пушистую рыжую прядку и ослепительно улыбнулась. Ее большие синие глаза лучились. Инне Львовне это не понравилось.

При всей миловидности это юное личико несло в себе что-то неприятное, что-то... противоестественное. Инна Львовна считала себя женщиной расчетливой и умной, она не в первый раз занималась подбором персонала и поэтому чувствовала ложь нутром. В чем именно заключалась ложь, Крутова понять пока не могла. И эта неопределенность ее тревожила.

– Мой прежний начальник говорил, что я все ловлю на лету, – проворковала девушка и слегка покраснела. – Я думаю, у меня все получится. Я вас не подведу.

«Могу себе представить, что ты там ловила», – подумала Инна Львовна с брезгливой улыбкой.

Длинные ноги, огромные глазищи... Нет, эта особа ей здесь не нужна. Определенно. Пусть поработает недельку, а потом выметается ко всем чертям. Профсоюз, конечно, не дремлет, но предлог найти несложно. Можно, к примеру, организовать небольшую кражу или еще что-нибудь.

– Три правила, – повторила Инна Львовна, выпустив дым через ноздри. – Первое – не опаздывать. Одно опоздание – штраф. Два – увольнение. Устраивает?

– Вполне, – кивнула девушка.

Она протянула руку, положила кончик сигареты на край пепельницы и легонько постучала по нему длинным изящным пальцем. Инна Львовна собиралась проделать то же самое, но не успела. Столбик пепла сорвался с сигареты и упал владелице ресторана на коленку.

– Второе правило, – продолжила Инна Львовна, повышая голос и стряхивая пепел с колени, – не воровать. С этим у нас строго. Проверки регулярные, заранее не предупреждаем.

– Справедливое требование, – улыбнулась девушка, беззастенчиво разглядывая испачканную коленку Крутовой.

Инна Львовна нарочито откровенно проследила за ее взглядом и проговорила грубым, хриплым голосом:

– И, наконец, третье правило!

Девушка вздрогнула и снова уставилась Крутовой в лицо. Инна Львовна ухмыльнулась, сделала из пальцев левой руки колечко и подвигала внутри него дымящейся сигаретой. – Третье, и главное, правило – никакого интима с клиентами. Две ваши предшественницы погорели именно на этом.

Девушка покраснела до самых корней волос, но тут же взяла себя в руки и кивнула.

– Я понимаю, справиться с искушением не так-то просто. Особенно в вашем возрасте. – Инна Львовна вновь усмехнулась. – Наши клиенты, как правило, люди состоятельные и щедрые. Но тут уж, как говорится, приходится выбирать: либо работа, либо... кошачьи радости. Вы согласны, золотце?

– Абсолютно, – кивнула девушка и вновь обворожительно улыбнулась.

«Зубы-то какие белые, – подумала вдруг Инна Львовна. – Неужели свои?»

А вслух сказала:

– Вот и славно. Испытательный срок – месяц. Оклад на это время – сорок тысяч рублей. Через месяц, если вы у нас задержитесь, накину еще двадцать. Устраивает?

«Сейчас опять будет кивок и улыбочка», – предположила Инна Львовна. Однако вместо этого девушка вдруг поднялась со стула и решительным шагом направилась к двери.

«Ну и слава богу, – с облегчением подумала владелица ресторана. – Не придется увольнять».

Девушка подошла к двери, но вместо того, чтобы открыть ее и убраться вон, повернула ручку замка и нажала на кнопку фиксатора. Глаза Инны Львовны расширились.

– Что вы делаете, милочка? – грозно спросила она и вдавила сигарету в пепельницу. – Вы в своем уме?

Девушка не обратила на возглас Инны Львовны никакого внимания. Она развернулась и, глядя Крутовой в лицо, зашагала к столу. Глаза девушки глядели не мигая, и в их глубине полыхал красный огонек, а ее губы внезапно потемнели и изогнулись в странную улыбку.

– Эй, ты чего? – растерянно спросила Инна Львовна. – Чего задумала-то?

Девушка, продолжая улыбаться, двинулась вокруг стола. Лицо ее вдруг потемнело и словно бы превратилось в неподвижную маску. Улыбка стала напоминать судорожный оскал.

– Ах ты... – владелица ресторана задохнулась от возмущения. – Ты что о себе возмнила?!

Она хотела оттолкнуть наглую девицу, но та перехватила ее руки за запястья и крепко сжала.

– Что ты...

Голос Крутовой оборвался. Плоть ее стремительно сжалась, черты лица заострились, пожелтевшая кожа плотно обтянула череп, а глазницы глубоко запали. Она словно бы внезапно высохла.

Через несколько секунд девушка разжала пальцы, и Инна Львовна рухнула со стула на пол. Остекленевшие глаза ее, кажущиеся неестественно огромными и выпуклыми на ссохшемся, сморщенном лице, уставились в потолок.

Девушка достала из кармана мобильник, нажала на кнопку и сказала в трубку:

– Алло, это Юля. Входите.

Убрав мобильник в карман, она подошла к двери и сняла замок с фиксатора, затем вернулась к телу Крутовой, нагнулась и взяла цепочку с кулоном.

Дверь открылась, и в кабинете появились двое: молодая черноволосая женщина с красивым, породистым лицом, одетая в длинный черный плащ, и круглолицый одутловатый мужчина в дорогом пиджаке. Если бы Инна Львовна была жива, она узнала бы в нем толстяка экстраенса, который давал интервью тощей журналистке в нелепой шляпке с вуалью.

Красавица-брюнетка протянула руку, и девушка Юля быстро вложила ей в ладонь снятый с груди Инны Львовны кулон. Потом Юля прошла мимо толстяка и шагнула из кабинета. Толстяк заметил кулон и протянул брюнетке пухлую руку.

– Лариса, отдай его мне, – сухо сказал он.

Брюнетка молча сунула кулон в свою лакированную сумочку. Толстяк нахмурился.

– Не шути со мной, Лариса! – он по-прежнему держал руку протянутой. – Отдай кулон!

Темные глаза красавицы слегка сузились, а губы изогнулись в улыбку.

– Пусть он пока побудет у меня, – сказала брюнетка.

Брови толстяка экстраенса удивленно приподнялись.

– Что? – произнес он таким голосом, словно не поверил своим ушам.

– Я договаривалась лично с Келлером, – заметила красавица, – поэтому кулон отдам только ему – из рук в руки.

Несколько секунд толстяк молчал, глядя на красавицу брюнетку так, словно собирался испепелить ее, потом опустил пухлую руку и зловеще проговорил:

– Что ж, пусть будет по-твоему. Но если вздумаешь обмануть нас – тебе конец. Келлер не прощает предательства.

– Я знаю, – кивнула брюнетка. – Я не разочарую Игоря Михайловича.

Толстяк бросил взгляд на труп Инны Львовны и коротко подытожил:

– Все, пора уходить.

– Мы идем к Келлеру? – спросила брюнетка.

Толстяк усмехнулся:

– Сперва заскочим куда-нибудь перекусить. Я сегодня не успел позавтракать и дышаю с голоду.

2

Суетно стало жить на свете. С каждым годом Москва делается все более неуютной. Если так пойдет дальше, скоро в столице не сохранится ни одного места, где можно глотнуть относительно свежего воздуха и размять ноги, не рискуя попасть под машину или быть растоптанным толпой прохожих.

Рыжеволосый официант вспомнил свой маленький городок, из которого уехал «покорять Москву» пять лет назад, и вздохнул. Понадобилось целых пять лет, чтобы понять: Москву невозможно покорить. Это она покоряет каждого, кто попадает в ее паучьи сети. При мысли о «паучьих сетях» рыжий официант представил себе схему московского метро и усмехнулся – она и впрямь здорово походила на паутину.

Кусочки льда мелодично стукнулись о дно широкого стакана. Рыжий официант посмотрел, как бармен заливает лед янтарной струей шотландского виски, снова вздохнул и перевел взгляд на зал ресторана.

Его занимал странный посетитель, сидящий за столиком у окна. Рыжий официант шелкнул пальцами, привлекая внимание бармена, и сказал:

– Глянь-ка на того типа.

Это был долговязый мужчина в старом застиранном свитере. Черты лица – резкие и суровые, а само лицо – худое, скуластое и, учитывая черный цвет волос, неприятно бледное. В волосах – ярко-белая седая прядь.

Бармен пожал плечами:

– И что в нем странного? То, что одевается с помойки? Так нынче и не такое встретишь.

– Ты посмотри, как он уставился на ту парочку. Будто глазами их сожрать хочет.

Долговязый парень с седой прядью на темени и впрямь неотрывно смотрел на мужчину и женщину, мирно ужинающих за угловым столиком. Мужчина был хорошо упитан и лыс, как колено. Узел галстука распущен, верхняя пуговица рубашки расстегнута, красноватая лысина поблескивает, как полированный шлем.

Спутница лысого толстяка была настоящей красавицей. Брюнетка с бледным чувственным лицом и темными губами. Одета в легкий черный плащик.

Лысый толстяк уминал карпаччо из сырой семги (восемьсот двадцать два рубля за порцию), запивая его белым бургундским вином (пятьсот рублей за бокал). Красавица ничего не ела, а в бокале, который она держала в длинных тонких пальцах, была простая вода.

– Ну и что тут такого? – пожал плечами бармен. – Может, у него анорексия и он ненавидит толстяков.

– Анорексия? – официант возмущенно вытаращил глаза. – Да я ему уже три порции флорентийской говядины с кровью притащил! И он их все умял! Один!

– Три порции? – удивился бармен, разглядывая долговязого брюнета, который продолжал тарашиться на толстяка. – По шестьсот пятьдесят рублей каждая? Да вся его одежда стоит в пять раз меньше.

– И я о том же. – Официант снова перевел взгляд на толстяка и красавицу. – Шикарная женщина, – завистливо протянул он.

– Точно, – согласился бармен. – Богиня! Погоди-ка. – Он наморщил лоб. – А ведь я ее знаю. Ну точно – знаю. Это же Наталья Литовцева!

– Какая Литовцева?

– Та самая – жена Литовцева!

– Владельца заводов и судов?

– Ну!

– С ума сойти.

Между тем толстяк вытер салфеткой руки, достал из кармана бумажник, скользнул взглядом по счету, который уже лежал на столе, и небрежно отсчитал несколько купюр. Потом сунул бумажник в карман, и оба – толстяк и его спутница – поднялись из-за стола.

Едва они двинулись к выходу, как долговязый брюнет вскочил на ноги.

– Так я и знал! – тихо выругался официант и ринулся ему наперерез.

Преградив беглецу дорогу, он резко проговорил:

– Уважаемый, надо заплатить!

Брюнет быстро достал из кармана пачку купюр и сунул ее в руку официанта. Двинулся было дальше, но вновь был остановлен.

– Уважаемый, это слишком много! – крикнул официант, ухватив долговязого за рукав. – Возьмите сдачу!

И тут толстый господин обернулся. Увидев долговязого брюнета, он слегка побледнел, затем нагнулся к Литовцевой и что-то быстро прошептал ей на ухо. Она кивнула и стремглав кинулась к выходу. Долговязый одним прыжком настиг толстяка, они сцепились и закружили по залу в невероятном танце. Лопнула лампочка в настенном светильнике, потом еще одна,

а затем целая канонада хлопков гулко прокатилась по залу ресторана. Где-то громко взвизгнула женщина, кто-то выругался.

На мгновение противники расцепили объятья, и толстяк предпринял еще одну попытку бежать, но долговязый налетел на него, как коршун. Оба шатнулись к окну и, взорвав витрину дождем сверкающих стеклянных брызг, вылетели на улицу.

И вот тут начался полный переполох. Завизжала сигнализация машин, закричали люди.

Толстяк вскочил на ноги первым. Страхнув с плеч осколки, он ринулся прочь, напрямик к Манежной площади. Долговязый одним прыжком поднялся и устремился за ним.

На бегу он вытащил откуда-то из-под полы плаща не то меч, не то шпагу. Двое полицейских, дежурящих возле площади, среагировали мгновенно. Выхватив пистолеты, они взяли долговязого брюнета на прицел.

– Стоять! – крикнул один из полицейских. – Брось нож и подними руки!

Долговязый остановился.

– Вы не понимаете! – прорычал он, яростно сверкая глазами. – Он уйдет!

Полицейский снял пистолет с предохранителя.

– Стой спокойно, мужик, и все будет хорошо! – отчеканил он.

Секунду долговязый брюнет стоял неподвижно, а затем выкрикнул что-то на непонятном гортанном языке, повернулся и бросился вдогонку за толстяком.

– Стой! – хором потребовали полицейские.

Долговязый не остановился. Пистолеты залаляли в их руках, как рассвирепевшие псы. После четвертого выстрела долговязый брюнет споткнулся и упал на асфальт. Он попытался встать, но снова упал. Полицейские опустили стволы и бросились к нему.

Между тем неподалеку от Иверских ворот происходило что-то невероятное. Толстяк остановился и широко раскинул руки, словно пытаясь обнять небо. Послышался шелест крыльев, и к толстяку стали слетаться воробьи. Их было много – десятки, потом сотни. Птичий вихрь яростно закружился вокруг толстяка. Туристы и прохожие замерли и, раскрыв рты, наблюдали невиданное зрелище.

Сквозь невообразимый шум сотен воробьиных крыльев послышался хриловатый смех. И вдруг серый смерч распался – воробьи резко рванули в разные стороны, как осколки бомбы. Прошло несколько мгновений, и они уже исчезли, упорхнули, улетели туда, откуда появились. Лишь перья темными хлопьями оседали на асфальт.

Полицейские и многочисленные зеваки обескураженно уставились туда, где еще минуту назад стоял толстяк. По толпе пробежал легкий гул. Один из полицейских сглотнул слюну и хрипло спросил:

– Где он? Куда он подевался?

– Не знаю, – ответил другой и опустил пистолет, надобность в котором явно отпала.

Асфальт был усеян птичьими перьями. Чуть поодаль, возле водостока, валялись две воробьиные тушки, выглядящие так, словно их пропустили через центрифугу. И больше ничего. И тут толпа загалдела громче, словно все присутствующие разом проснулись от спячки и сбросили оцепенение. Засверкали вспышки фотоаппаратов.

Полицейский-сержант, стоящий ближе всего к месту исчезновения толстяка, судорожно сглотнул слюну и хрипло пробормотал:

– Чертовщина.

3

– Какая еще чертовщина? Сержант, ты в своем уме? – капитан полиции Лаврова сдвинула темные брови и пристально посмотрела на смутившегося сержанта.

– Анна Евгеньевна, я не знаю, как еще объяснить, – пробормотал он. – Там правда были птицы. Много птиц. Не знаю, откуда они взялись. А потом этот мужик просто исчез.

Капитану Лавровой было тридцать четыре года. Худощавая, довольно высокая. Каштановые волосы ее были коротко острижены. Одета она была в бежевый свитер и голубые джинсы. На симпатичном и строгом лице – минимум косметики.

– Так, – сухо проговорила Лаврова. – Сейчас же отправляйся к нашему штатному психологу. Скажи, что я направила. Расскажешь ей все, что рассказал мне. Понял меня, сержант?

– Так точно, товарищ капитан, – пробормотал он.

– Свободен.

Сержант поднялся со стула и вышел из кабинета. Капитан Лаврова несколько секунд сидела за столом, о чем-то размышляя, затем взяла мобильник, набрала номер и включила громкую связь.

Раздался гудок, потом второй, после чего бодрый мужской голос проговорил из динамика:

– Да, Анна!

– Сереж, – сказала Лаврова в трубку, – ты узнал, в какой больнице лежит второй участник происшествия?

– Да. Адрес больницы, номер палаты, фамилия лечащего врача. Хочешь, чтобы я съездил?

– Нет, я сама. У тебя и так дел невпроворот. Скинь мне инфу по эсэмэс.

– Как скажешь. Перед полканом потом тоже сама отчитаешься?

– Да.

– Спасибо, Анют. С меня бутылка коньяка.

Капитан Лаврова усмехнулась.

– Степанцов, ты же знаешь – я не пью коньяк. И не называй меня Анютой.

– Хорошо, прости.

– Жду эсэмэс.

Капитан Лаврова отключила связь и положила мобильник на стол.

4

Каждый врач, практикующий больше десяти лет, наверняка помнит хотя бы один случай, который с большим основанием можно назвать чудом.

Один из коллег заведующего хирургическим отделением Ивана Ивановича Загорского своими глазами видел, как человек встал с кушетки и пошел в туалет с куском арматуры, торчащим у него из головы. Другой лечил пациента, у которого легкие были сдавлены в лепешку. Пациент не только не задыхался, но и порывался позвонить жене и крыл врачей отборным матом, пока те вставляли ему дренаж.

У самого же Загорского подобных чудес в рабочей биографии не было. Вплоть до вчерашнего дня. И теперь Загорский испытывал крайнее волнение. Сидя в ординаторской за чашкой крепкого кофе и постукивая пальцами по столу, Иван Иванович размышлял... Случай экстраординарный и потянет как минимум на полновесную статью в «Медицинском вестнике». Это для начала, а потом... Потом, пожалуй, можно замahнуться и на диссертацию!

От приятных размышлений Загорского отвлек решительный женский голос:

– Иван Иванович!

Он поднял взгляд и посмотрел на вошедшую женщину сквозь круглые очки в золотой оправе.

– Капитан Лаврова, убойный отдел, – представилась она. Красные «корочки» мелькнули перед глазами доктора и снова исчезли в кармане. – Я звонила вам по поводу вчерашнего пациента.

– А... да-да... – рассеянно проговорил Загорский. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Капитан Лаврова села.

– Кофе? – предложил доктор.

Гостья мотнула головой:

– Нет, спасибо. Как он?

– На удивление хорошо.

– На удивление?

Доктор улыбнулся:

– Простите, как вас по имени-отчеству?

– Анна Евгеньевна.

– Анна Евгеньевна, пациент потерял два литра крови, у него задеты артерии, пробита селезенка, повреждено легкое. Не говоря уже о сломанных костях.

– Так бывает, когда подставляешься под пули, – заметила Лаврова. – Считайте, что он еще легко отделался.

Доктор качнул головой:

– Я не о том. Когда его привезли, я думал – не жилец. Но операции прошли на редкость успешно, и он уже четыре часа дышит самостоятельно.

– Это хорошо?

– Для человека, сердце которого не билось почти две минуты, очень. Если так пойдет и дальше, то через день, максимум два мы его переправим в терапию.

– Хотите сказать, что он выздоравливает как-то уж очень быстро?

– Пожалуй, что так.

Несколько секунд капитан Лаврова обдумывала слова доктора, затем спросила:

– Могу я с ним поговорить?

– Почему бы и нет? Но не больше пяти минут. Состояние больного стабильное, однако кто знает...

– Пяти минут будет вполне достаточно, – заверила его Лаврова. – Кстати, он ничего о себе не говорил?

Хирург покачал головой:

– Нет. Только назвал свое имя, сразу после того, как вышел из комы. Но я не уверен, что верно расслышал.

– И что это за имя?

– Кажется... Мигель.

– Иностранец?

– Наверное. Хотя, возможно, он просто бредил. В любом случае, у вас есть возможность спросить об этом у него самого.

Капитан Лаврова уже поднялась.

– Значит, у меня есть пять минут?

– Да.

– Я попытаюсь уложиться.

Она повернулась и решительно зашагала к двери.

Поморщившись от пиликания мониторов, капитан Лаврова поставила возле кровати стул и села на него. Она внимательно посмотрела на пациента и представилась:

– Я капитан Лаврова из убойного отдела. Как вас зовут?

Пациент не ответил. Его отсутствующий взгляд был устремлен в потолок. Лаврова глянула туда же и увидела многочисленные отверстия в звукопоглощающем покрытии. «Должно быть, через эти отверстия улетучиваются из реанимации души умерших», – мелькнуло у нее в голове.

Пациент между тем не проявлял никаких признаков заинтересованности разговором. Седая прядь в его волосах была похожа на белое перышко.

– Вы сказали врачу, что вас зовут Мигель.

Это так?

Пациент продолжал молчать. Капитан Лаврова решила зайти с другого бока:

– Вы помните, что произошло вчера вечером? Вы устроили драку в ресторане. Перебили стекла и пытались перерезать человеку горло.

Черноволосый незнакомец повернул к гостье свое неестественно бледное лицо с резкими и жесткими чертами и хрипло осведомился:

– Вы поймали авгура?

– Кого?

– Птичника, – сказал черноволосый.

– Вы имеете в виду толстяка, которого вы пытались убить?

– Да.

Капитан Лаврова нахмурилась и покачала головой:

– Нет. Ему удалось сбежать.

Ее собеседник что-то тихо пробормотал на странном языке и вновь уставился в потолок.

Капитан Лаврова помедлила, а потом уточнила:

– Если мне не изменяет память, в Древней Греции авгурами называли магов, предсказывающих судьбу по полету птиц.

Пациент не ответил. Облизнув потрескавшиеся губы, он сухо произнес:

– Они нашли кулон.

– Кто «они»? – не поняла Лаврова. – О ком вы говорите?

Пациент помолчал. Затем сказал по-прежнему хрипловатым, но твердым голосом, не терпящим возражений:

– Сегодня я уйду. И вы не должны меня задерживать.

Лаврова приподняла бровь:

– Вот как? «Не должны»?

– У меня много работы. А у вас слишком мало сил, чтобы противостоять *им* в одиночку.

Капитан Лаврова усмехнулась:

– Может быть, и мало, но уж, во всяком случае, больше, чем у вас. А теперь просветите меня: с кем вы собираетесь воевать?

Мужчина не ответил. Он отвел взгляд и снова устремил его в потолок. Капитан Лаврова подождала немного и, поскольку пациент хранил молчание, заговорила сама:

– Человек, с которым вы дрались, – он ваш знакомый?

Ответа не последовало.

– Драку зафиксировали несколько видеокамер, – продолжила капитан Лаврова. – Отпираться или играть в молчанку бесполезно.

Пациент и на этот раз не произнес ни слова. Капитан Лаврова вздохнула:

– Что ж. Тогда начнем сначала. Назовите мне ваши имя и фамилию.

Но тут глаза пациента закрылись, бледное лицо оцепенело, черты заострились. Монитор сорвался на монотонный писк.

Капитан Лаврова на секунду растерялась, но тут же овладела собой, вскочила со стула и бросилась к двери. Выбежав в коридор, она крикнул:

– Скорей сюда! Пациенту плохо!

Две медсестры и проходивший мимо врач кинулись к палате. Когда они вбежали, кровать, на которой несколько секунд назад лежал пациент, была пуста.

– Где он? – недоуменно спросил врач, уставившись на Лаврову.

Она не ответила. В ее широко раскрытых глазах читалась полная растерянность.

5

Студентка Московского университета Настя Лаврова надела джинсовую курточку и придиричиво оглядела свое отражение в зеркале. Лицо полновато, шея слишком тонкая, глаза посажены излишне широко... Но если немного втянуть щеки и посмотреть чуть исподлобья... (Настя тут же это проделала.)

...то, пожалуй, это лицо вполне можно назвать симпатичным. Беда лишь в том, что долго со втянутыми щеками не проходишь. Хорошо хоть фигура спортивная.

Настя отвела взгляд от зеркала и посмотрела на стеллаж со спортивными кубками, которые завоевала в полутора десятках спортивных турниров. «И какой смысл во всех этих кубках, если они не принесли ни денег, ни счастья?» – с горечью подумала она.

Лежащий на кровати мобильник зазвонил. Настя взяла трубку и прижала к уху.

– Да, – сказала она. – Да, Маш, уже выхожу!

Настя сунула мобильник в карман джинсов и вышла из комнаты.

Старшая сестра Насти Анна сидела за столом и, дымя вонючей сигаретой, изучала какой-то документ. Наверное, протокол допроса или что-нибудь в этом роде.

– Куда собралась? – поинтересовалась она, не отрывая взгляда от документа.

– Да, – ответила Настя. – Пойду прогуляюсь.

– Опять с Машей Ключевой?

– Да. А что? Ты имеешь что-то против?

Анна отложила документ и посмотрела на младшую сестру серьезным, неодобрительным взглядом.

– Слушай, младшая, а тебе не пора взяться за ум?

– Может, и пора. – Настя пожалала плечами. – Вот только зачем?

– Затем, что ты уже взрослый человек, а занимаешься всякой ерундой, – строго ответила Анна. – Живешь одним днем, не задумываясь о своем будущем. И знаешь, меня как твою сестру это очень тревожит.

Настя фыркнула.

– И не фыркай, – строго сказала Анна. – Я с тобой серьезно разговариваю. Вот скажи мне, чего ты хочешь от жизни? К чему стремишься? Кем себя видишь в будущем?

– Чего я хочу? – Настя улыбнулась. – Ну, тут все просто. Чтобы работа была ненапряжная. Это раз. И чтобы оставалось время на развлечения. Это два.

– На дискотеки и гулянки?

– Хотя бы и так.

Анна вздохнула и покачала головой:

– Это все влияние Маши Ключевой. Поверь мне, эта дуреха плохо кончит. И ты тоже, если будешь идти у нее на поводу.

– Мы все плохо кончим, – философски изрекла Настя. – Одни раньше, другие позже. И завязывай уже изображать мою мать.

– Я и не пытаюсь, – вздохнула Анна. – Но, кстати, если бы мама была жива, она бы...

– Мама умерла, – оборвала сестру Настя. – Погибла в аварии. Вместе с отцом. И хватит об этом.

Настя отвернулась. Анна вздохнула и с досадой произнесла:

– Вечно мы с тобой ссоримся. Что с нами происходит, Наська-Таська? Ведь когда-то мы часто разговаривали.

– Не знаю, – пожалала плечами Настя. – Наверное, я просто повзрослела. Прости, мне пора.

– Будь осторожна, – сказала ей вслед Анна.

Настя прошла в прихожую, быстро надела кроссовки и выскочила из квартиры.

Спускаясь на лифте, она думала о сестре. Мама с папой разбились много лет назад, и с тех пор Анна из кожи вон лезла, чтобы заменить Насте родителей. Но получалось у нее плохо. Да и как иначе – с такой-то работой? Анна и дома-то бывала не каждый день. Вечно ходила озабоченная, угрюмая, молчаливая, а если начинала говорить, то либо морализаторствовала (вот как только что), либо заводила песню о «проценте раскрываемости» или какой-нибудь «кривой преступности в районе».

И все ради чего? Чтобы поймать и посадить в тюрьму десяток-другой неудачников, убивших с перепоею своего собутыльника? Нет, Настя мечтала о другой жизни.

– Тоже мне – работа, – фыркнула она, выходя из лифта.

А ведь Аня окончила юридический и вполне могла стать адвокатом или прокурором. И работа была бы нормальная, и деньги в доме водились бы.

– Сама пустила свою жизнь под откос, а еще учит меня жить, – с досадой проворчала Настя, выходя на улицу.

Маша Клюева ждала ее возле подъезда. Светлые волосы, как всегда, торчат в разные стороны, челка выкрашена в голубой цвет, глаза густо подведены. Одета Маша была в яркую юбку и короткую кожаную курточку. На ногах – «кислотные» кеды. Выдув изо рта пузырь жвачки, она весело поинтересовалась:

– Ну как? Отделалась от своей полицейки?

– Не называй ее полицейкой, – попросила Настя.

– Почему?

– Потому что она моя сестра.

Маша хмыкнула:

– Сестра тоже может быть полицейкой. В твоем случае это так и есть. – Она глянула на огромный циферблат часов, опоясывающих ее тонкое запястье. – Нам пора бежать!

– Только одно условие: в час я должна быть дома. У меня завтра ответственный бой.

– Какой еще бой? – не сразу поняла Маша.

– По кендо.

– Ах, да. – Клюева кивнула разноцветной головой. – Совсем забыла, ты ведь у нас самурай-фехтовальщик. Хорошо, Золушка, ровно в час доставлю тебя домой. И прослежу за тем, чтобы ты не потеряла по дороге свои хрустальные башмачки! Идем!

6

Настя Лаврова была не в восторге от своей внешности. Черты собственного лица казались ей слишком вялыми и нежными. Да и ростом Настя не особо вышла. Всего-то метр шестьдесят два. И это ей не нравилось. Ведь у тех, кто знал Настю плохо, создавалось о ней превратное впечатление. Коротко говоря – она казалась им слабее, хрупче, изнеженнее и безвольнее, чем была на самом деле.

Осиротевшая в семь лет и предоставленная с тех пор самой себе (импульсивная опека сестры не в счет), она давно научилась давать отпор наглým рослым девчонкам. Большинство этих орясин были неуклюжи. Они могли причинить боль, да и дрались нечестно, однако если ты не боишься боли, умеешь уворачиваться от кулаков и острых ногтей и бить в ответ, то вполне сумеешь их одолеть.

С детства Настя всегда занималась спортом, сперва это была гимнастика, потом карате, но в конце концов она остановилась на кендо – виде спорта, больше походившем на искусство, чем на банальный мордобой. Бамбуковый меч – не кулак, а мудрые слова учителя – не крики «бей!» и «мочи!».

Подружки относились к увлечению Насти скептически, но ей было все равно. Бои на мечах странным образом притягивали ее. Она ничего не могла с этим поделать.

Было полвторого ночи, когда подружки вышли из ночного клуба и зашагали к метро. За минувшие два часа Настя и Маша выпили по пять коктейлей, отшили по паре парней и теперь, шагая под руку по переулку, весело болтали.

– Я серьезно, Насть! – с жаром доказывала подруге Маша. – В покер и «двадцать одно» можно очень много выиграть. Хоть миллион! Илюшка – это мой братец, ты знаешь – водил меня в подпольный клуб, где играют в карты, и я за полчаса выиграла триста баксов!

– А потом все их проиграла, – напомнила Настя.

Маша поморщилась от неприятного воспоминания.

– Это была случайность. Я просто не успела сойти с круга. В следующий раз я точно выиграю. Слушай, а на что ты бы потратила деньги, если б выиграла миллион? – спросила она внезапно.

– Хочешь устроить вечер фантазий?

– Нет, ну правда. Я бы, например, арендовала яхту и отправилась в круиз. А ты бы на что потратила?

Настя на секунду задумалась, потом ответила:

– На меч.

– Меч? Какой еще меч?

– В Музее Востока хранится самурайский меч восемнадцатого века.

Клюева растерянно моргнула:

– И че?

– Он выкован из высокоуглеродистой стали, секрет которой утерян. А к стали добавлено серебро.

– Зачем?

– Чтобы отбиваться от злых духов.

Машка несколько секунд недоверчиво смотрела на подругу, пытаясь определить, шутит та или нет.

– И что, ты бы потратила миллион на этот меч?

Настя кивнула:

– Угу.

– И зачем он тебе?

– Буду отгонять злого духа адского соблазна, который обожает ездить мне по ушам. Хочешь на него посмотреть?

Маша недоверчиво усмехнулась:

– Ну, давай.

– Он справа от тебя.

Клюева хлопнула ресницами и посмотрела направо. Взгляд ее наткнулся на мерцающую витрину магазина, в которой отражалась она сама.

– Тьфу! – в сердцах воскликнул Маша. – Я уж подумала, ты серьезно!

Настя засмеялась.

– А я серьезно, – сказала она со смехом. – Анька уверена, что ты – мой злой дух. Она сама мне об этом говорила.

– Эта твоя полицейка и не такое скажет, – фыркнула Машка. – Твоя Анька просто мне завидует. Потому что я умею жить красиво и беззаботно. Как бабочка!

Подруги переглянулись и вдруг рассмеялись.

– Ладно, – весело сказала Маша. – Лучше скажи, куда мы двинем дальше?

– Ты куда хочешь, а я домой, – ответила Настя. – Завтра у меня джигейко с приехавшим из Японии кендоки.

– Джигейко? – вскинула брови Маша. – Это еще что за зверь?

– Джигейко – это тренировочный бой в кендо.

Маша кивнула:

– А, ну да. А кто такой кендоки?

Настя не успела ответить. Черный «Мерседес» представительского класса вывернул из-за угла и стремительно пронесся мимо, едва не сбив Машу Ключеву с ног. В последний момент Настя успела схватить подругу за плечо и дернуть на себя.

«Мерседес», доехав до угла дома, остановился. Дверца открылась, и из салона на тротуар ступила стройная темноволосая женщина в длинном черном пальто.

Обернувшись, женщина скользнула быстрым взглядом по возмущенным лицам Насти и Маши, затем отвернулась и надела солнцезащитные очки. Длилось это всего мгновение, но Настя успела разглядеть лицо женщины, и лицо это показалось ей очень красивым. Дверца «Мерседеса» захлопнулась. Лимузин мягко тронулся с места и покатил по пустынной дороге, а женщина пересекла тротуар и скрылась в переулке.

– Красивая, – с завистью проговорила Маша. – Наверное, кучу денег потратила на свою внешность.

– Может, она такая от природы, – предположила Настя.

Маша одарила ее насмешливым взглядом:

– Издеваешься? От природы такими не бывают. Видела ее губы? А подбородок? – Маша качнула головой. – Нет, подруга, такое лицо можно купить только за большие деньги.

– Помешалась ты на своих деньгах, – недовольно проговорила Настя.

И вдруг устремила на что-то внимательный взгляд, а затем тронулась с места и быстро пошла туда, где пару минут назад стоял «Мерседес».

– Насть? – окликнула ее Маша. – Ты куда?

Настя остановилась, присела на корточки и сунула руку в решетку водостока. Маша подошла к ней и с любопытством спросила:

– Настен, что там? Ты что-то нашла?

Настя вынула пальцы из решетки водостока, и в пальцах этих что-то неярко блеснуло. Она выпрямилась и показала Маше свою находку.

– Кулон! – воскликнула та и быстро протянула руку. – Дай посмотреть!

Взяв кулон, Маша быстро его оглядела.

– По ходу, платиновый, – сказала она. – А камушек похож на агат.

Камень ярко блеснул, отразив свет фонаря, и глаза Маши алчно вспыхнули в ответ.

– Похож на старинный, – дрогнувшим от волнения голосом проговорила она. – Наверное, стоит кучу денег!

Настя быстро вынула кулон у подруги из пальцев и сунула побрякушку в карман джинсов.

– Ты чего? – растерянно проговорила Маша.

– Ничего. Надо вернуть.

– Вернуть?! – не поверила ушам Ключева.

– Да. Думаю, его обронила та женщина. Которая вышла из «мерса».

– Он же стоит тысяч двадцать. А может, и больше!

Настя, не обращая внимания на слова подруги, двинулась в сторону переулка. Маша схватила ее за рукав куртки.

– Настька, не дури! Ты видела, как она одета? Нам эта вещь нужнее, чем ей. Я в этом уверена!

– Маша, кончай говорить ерунду.

Настя высвободила руку и быстро зашагала к переулку. Маша Ключева несколько секунд обиженно смотрела ей вслед, а затем крикнула:

– Хорошо, отдавай! Раз чужая тетка тебе важнее собственной лучшей подруги!

Настя на секунду остановилась, повернулась к Маше и покрутила пальцем у виска, а затем пошла дальше.

– Дура! – крикнула ей вслед Маша.

Настя не отозвалась. Через пару шагов она скрылась в темном переулке. Постояв несколько секунд, Маша вздохнула и произнесла с досадой:

– Вот ведь гадство! И почему я не увидела кулон первой?

Маша уныло посмотрела на темное небо, словно ожидая ответа на свой вопрос, но, не получив его, вздохнула и, зябко поеживаясь от холодного ветра, зашагала прочь.

Тем временем Настя Лаврова вошла в переулок и остановилась в нерешительности. В темной стене она увидела небольшую дверь, над которой не было никакой вывески. В переулке было темно. Единственный тусклый фонарь изо всех сил старался рассеять мглу осеннего вечера, но получалось у него плохо.

Настя подошла к двери, снова остановилась, затем взялась за ручку и потянула ее на себя. Дверь слегка приоткрылась. Настя хотела распахнуть ее шире, но вдруг услышала негромкие голоса – женский и мужской.

– Где Келлер? – спросила женщина. – Ты обещал устроить мне встречу с ним.

– Келлер здесь, рядом, – ответил мужской голос. – А где кулон?

– Кулон со мной.

– Покажи его.

– Он у меня в кармане. И я отдам его только Келлеру.

Настя осторожно заглянула в щелку и увидела черноволосую красавицу, которая приехала на «Мерседесе», и невысокого толстяка, одетого в серый костюм. У толстяка были реденькие светлые волосы, зачесанные так, чтобы скрыть лысину, и выпуклые, очень светлые глаза, придававшие ему сходство с филином. (На мгновение Насте даже показалось, что она чувствует запах жженных перьев.) И вдруг она его узнала – это был «белый маг Валерий Птицын» из телепередачи «Сражение экстрасенсов».

– Иди за мной, – сказал Птицын красавице брюнетке. Он повернулся в сторону коридора, освещенного мягким светом настенных ламп, которые были выполнены в виде средневековых факелов.

– Ты проводишь меня к Келлеру? – недоверчиво спросила красавица.

– Да, Лариса, да, – ответил толстяк. – Идем за мной.

Он двинулся по коридору в глубь здания, женщина, чуть помедлив, последовала за ним. И только тут Настя вспомнила, что собиралась вернуть ей кулон. Она приоткрыла дверь шире, но в этот миг чей-то хрипловатый голос негромко осведомился:

– Что-то потеряла, красавица?

Настя вздрогнула и быстро оглянулась. За спиной у нее стоял приземистый широкоплечий парень в черной куртке, черных джинсах и черной бейсболке. Физиономия у типа была багровая, как у пьяницы, и совершенно бандитская. Из-за угла вывернули еще двое. Настя похолодела от ужаса, пальцы ее соскользнули с медной дверной ручки, и дверь со щелчком закрылась. Настя снова схватилась за ручку и дернула дверь на себя, но она не поддавалась. Настя дернула еще раз, но с тем же результатом.

– Эй, детка! – снова окликнул ее краснорожий парень. – Не хочешь познакомиться, а?

Настя быстро огляделась по сторонам и поняла, что бежать ей некуда.

– Ребят... – запинаясь, проговорила она. – Я тут встречалась с подругой. Она здесь, за дверью. Я...

Краснорожий бандит ухмыльнулся. Два парня за спиной у краснорожего тихо засмеялись. Затем все трое встали так, чтобы преградить Насте путь к бегству. Теперь ей некуда было деваться. Краснорожий бандит перестал ухмыляться. На его физиономии появилось жутковатое, почти звериное выражение.

Он шагнул к Насте и протянул руку, намереваясь ее схватить. На миг девушке показалось, что сердце у нее в груди остановилось от ужаса, а в следующее мгновение лицо Насти странно обдало ледяным порывом ветра, и она вдруг поняла, что путь к бегству свободен. И побежала – так быстро, как не бегала никогда прежде. Но когда до конца переулка оставалось всего несколько метров, цепкие крепкие пальцы схватили Настю сзади за шею и швырнули на стену. Девушка ударилась спиной о выпуклые кирпичи стены и тихо вскрикнула от боли.

«Мне конец!» – промелькнула страшная мысль.

Троица бандитов двинулась на нее. И тут в переулке появился четвертый человек. Это был невысокий коренастый пожилой мужчина в дешевом темно-сером пальто и серой кепке, криво нахлобученной на круглую голову. В левой руке мужчина держал пластиковый пакет, из которого торчал краешек нарезного батона. В правой – незамысловатую деревянную трость, из тех, которые носят небогатые пенсионеры-артритчики.

– Мужики, вы тут чего? – недовольным голосом осведомился у парней незнакомец. – Чего хулиганите, а?

Парни на миг замерли, а затем краснорожий бандит шагнул к пенсионеру и, молниеносно выбросив вперед правую руку, попытался ударить его по лицу кулаком. Но пожилой незнакомец, проявив чудеса ловкости, увернулся от удара, отскочил в сторону, швырнул бандиту в грудь пакет с продуктами, затем сорвал с головы кепку и ударил ею второго парня – прямо в лицо. После чего вскинул трость и ударил третьего парня в живот набалдашником, а когда тот согнулся, хлестнул его тростью по голове.

Настя окаменела от изумления. Станный пенсионер схватил ее за воротник джинсовой куртки и крикнул:

– Бежим! Быстро!

Настя успела разглядеть плохо выбритый подбородок с ямочкой посередине и серые глаза, взгляд которых был холоден и тверд. А в следующую секунду они уже бежали прочь.

Едва беглецы выскочили из переулка, как рядом с ними, прошуршав шинами, остановилась белая «Лада Приора». Незнакомец распахнул дверцу, схватил Настю за плечо и буквально забросил ее в салон, а сам запрыгнул следом.

– Игорек, гони! – крикнул он водителю.

«Лада», резко взяв с места, понеслась вперед, набирая скорость.

Настя обернулась. Трое бандитов бежали за машиной. И с ними вместе бежала женщина – та самая брюнетка, обронившая кулон. Это могло бы выглядеть почти комично, если бы Настя вдруг не осознала, что они бегут невероятно быстро и почти нагоняют машину. Настю охватил страх, такой всепоглощающий, какого она не испытывала никогда в жизни. Сердце бешено заколотилось.

Пенсионер быстро сунул руку за пазуху – и в следующий миг в жилистой пятерне его появился серебристый автоматический пистолет. Незнакомец быстро высунулся в окно и дважды выстрелил. От грохота у Насти заложило уши. Она увидела, как брюнетка упала, и трое бандитов остановились возле нее.

– Чертовы эксы! – выругался незнакомец, опуская пистолет.

– Вы ее убили! – воскликнула Настя.

– Не уверен, – проговорил пенсионер. Затем пристально посмотрел на нее и спросил: – Кто ты такая? Отвечай.

Настя растерянно моргнула и пробормотала:

– Я студентка. Учусь в универе, на историческом.

– Имя? – потребовал пожилой.
– Настя. Настя Лаврова. А вы...
– Что ты видела? – перебил он.
– Где? – переспросила Настя.
– В переулке. Там была женщина, верно?
– Верно.
– С кем она встречалась?
– Не знаю. С каким-то лысым толстяком. Я его видела по телевизору в «Сражении экстрасенсов».

– Ты слышала, о чем они говорили?
– Говорили? Про какого-то Келлера.
– Ты уверена?
– Да. – Настя облизнула пересохшие от волнения губы. – А что?
Пожилой не ответил.
– Владимир Иванович, – окликнул его водитель, не поворачивая головы. – Нужно срочно сообщить про Келлера шефу.

– Само собой, – хмуро отозвался пожилой. – Как тебе удалось вырваться из лап полукс-сов?

– Кого? – не поняла Настя.
– Тех троих ублюдков, которые отрезали тебе путь к бегству. Как ты сумела прорваться?
– Не знаю. Просто... побежала.
– Слыхал, Игорек? – иронично окликнул водителя «пенсионер». – Она «просто побежала»!

– Простое везение, – отозвался водитель.
– Простите, а кто такой Келлер? – спросила Настя. И удивилась тому, как спокойно прозвучал ее голос, она слышала этот голос как бы со стороны, словно он ей не принадлежал.

Пожилой покосился на нее и хмуро сказал:

– Самый сильный из эксов.
– Эксов? – Настя растерянно хлопнула ресницами. – А кто такие эксы?
– Неважно.
– Но вы...
– Хватит вопросов, дочка, – перебил пенсионер. – Сейчас мы расстанемся. Игорь, оста-нови!

Водитель кивнул. Через несколько секунд машина мягко затормозила. Пожилой незна-комец повернул голову и посмотрел на Настю.

– Тут рядом метро, – сказал он.

Настя не шевельнулась.

– Ну? – незнакомец сдвинул брови. – Чего ждешь?

Настя открыла дверцу и выбралась из машины на тротуар.

– Береги себя, – сказал ей вслед незнакомец. Усмехнулся и добавил: – Дверцу-то закрой.

Настя захлопнула дверцу. «Лада» тут же сорвалась с места и, быстро набрав скорость, укатила в ночной сумрак. Настя смотрела ей вслед, пытаясь осмыслить то, что с ней только что произошло. Она вспомнила бандитов, которые пытались ее поймать, вспомнила красавицу брюнетку, которая с невероятной скоростью бежала за автомобилем... А потом – выстрелы из пистолета.

Вскинув руки, Настя закрыла ладонями лицо и пробормотала:

– Это все не по правде. Мне все это померещилось. Или... Или я заболела?

В ответ девушка ощутила что-то вроде лучика надежды. Она убрала ладони от лица и потрогала лоб. Лоб был прохладным. Никакого намека на температуру.

– Наверное, это все из-за коктейлей, – пробормотала она. – Я слишком много выпила. Голос ее прозвучал не слишком уверенно, но даже такое объяснение было лучше, чем ничего.

Рядом взревел мотор. Настя вздрогнула и подняла взгляд. «Лада Приора» снова стояла у обочины.

– Дочка, подожди минутку, – окликнул ее, высунувшись из окна, странный «пенсионер».

– Что? – настороженно спросила Настя.

Мужчина протянул из окна руку и быстро коснулся пальцами лба Насти.

– Забыла! – громко и веско проговорил он. – Погоню, нас с Игорьком, полуэксов из переулка! Никаких странностей. Придешь домой – сразу ложись спать.

Он убрал руку, «Лада» тронулась с места и умчалась прочь. Настя потерла пальцами лоб, ощущая в мозгу странную пустоту. Потом пожала плечами и поплелась к метро. Через несколько секунд картина погони полностью стерлась из ее памяти.

7

Фонари ярко освещали голубоватый лед, по которому вычерчивали круги молчаливые люди на коньках, в спортивных куртках и шапочках. Картавый динамик на столбе надсадно выводил:

Белые розы, белые розы,
Беззащитны шипы.
Что с ними сделали злые морозы,
Лед витрин голубых...

Настя скользила по ледяной глади, а впереди два подростка толкали перед собой широкую фанерную лопату, за которой оставалась полоса чистого льда.

Настя на секунду остановилась, чтобы перевести дух, и вдруг увидела под ногами что-то непонятное. С тревогой в сердце она низко наклонилась и аж вспотела от ужаса. Из-под льда на нее смотрело женское лицо.

Оно показалось Насте знакомым, но девушка не успела вспомнить, где его видела, потому что лицо начало преображаться. Кожа на щеках женщины сморщилась и посинела, а из приоткрытого рта, превратившегося в пасть, показались четыре острых желтоватых клыка.

Чудовище в женском обличье улыбнулось Насте мерзкой улыбкой и постучало когтями в лед, как в оконное стекло, – тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Настя хотела закричать – и проснулась...

«Это ж надо! – думала она, лежа в темноте и прислушиваясь к тому, как колотится в груди сердце. – Такой ясный сон, цветной. Аня говорила, что цветные сны видят только шизофреники. Наверное, я схожу с ума».

Обозвав себя паникершей и немного успокоившись, Настя снова закрыла глаза и постепенно задремала.

На этот раз ей приснился не менее жуткий сон. Будто внизу, на тротуаре, стоят люди, одетые в черное, и смотрят на ее окно. Сперва они стояли в полном молчании, а затем вдруг открыли рты и хором прокричали:

– Отдай то, что взяла, маленькая стерва! Отдай – или мы вырвем твое сердце!

А потом бросились к дому, прыгнули на стену и стали быстро взбираться наверх, не сводя страшных черных глаз с Настиного окна.

Проснулась Настя в восемь утра, вся мокрая от пота. В висках стучало, как после бурной вечеринки. Девушка лежала в постели, глядя в потолок и стараясь припомнить, сколько коктейлей они вчера выпили с Машкой. Судя по похмелью, много.

В конце концов Настя вспомнила один из дзенских коанов, в котором мудрый учитель отчитывает ученицу за то, что та делит реальность на явь и сон. И во сне предпочитает орудовать не ученическим мечом, а железной кочергой. «Неважно, где ты, и неважно, как выглядит мир вокруг тебя. Меч должен стать твоим якорем в бушующем море и твоей спасительной соломинкой, плавающей на поверхности глубокого омута».

Настя повернула голову и посмотрела на свой ученический бамбуковый меч. Глупо было думать, что простая деревянная палка поможет отбиться от чудовищ, поджидающих ее в царстве кошмаров. Но, как ни странно, вид меча, пусть даже бамбукового, подействовал на Настю успокаивающе.

Она вздохнула и откинула одеяло, надеясь, что холодная вода прояснит мозги и поможет справиться с похмельем.

Приняв душ и одевшись, Настя вышла на кухню. Анна сидела за столом и читала «Московский комсомолец». На столе перед ней стояла тарелка с недоеденным омлетом и чашка черного кофе.

– Как спалось? – поинтересовалась Анна, поднимая взгляд на младшую сестру.

– Нормально, – пробурчала та, взяв чашку Анны и сделав несколько глотков. Кивнула на газету: – Чего пишут?

– Посмотри сама. – Анна повернула газету к сестре. Та увидела плохо пропечатанный портрет какой-то молодой женщины, потом вслух прочла заголовок:

– «Назад в девяностые». И про что там?

Анна снова повернула газету к себе и стала читать:

– *«На улицах Москвы снова, как и в 90-е годы, становится беспокойно. Жена известного бизнесмена, главы холдинга «Литол» Олега Литовцева Наталья Литовцева была найдена сегодня утром мертвой на Большой Никитской улице. По словам следователей, ведущих дело, киллер дважды выстрелил ей в грудь из пистолета.*

В настоящий момент следствие рассматривает и другие версии. Генеральный прокурор Москвы уже заявил, что берет это расследование под особый контроль.

Наша газета выражает глубокие соболезнования родственникам и друзьям погибшей».

Пока Анна читала, Настя намазала масло на кусок хлеба, запихнула его в рот и запила остатками кофе.

– Тебе на работе этой гадости не хватает? – спросила с набитым ртом. – Почитай лучше что-нибудь оптимистичное.

– Что, например? – поинтересовалась Анна, отложив газету и потянувшись за сигаретами.

– Да что угодно. Хоть «Космополитен».

Анна усмехнулась и закурила. Выпустила изо рта облачко дыма, посмотрела на Настю странным взглядом и сказала:

– Я звонила по поводу этого дела своим ребятам.

– И что? – небрежно осведомилась Настя.

– Есть свидетели. Они говорят, что видели неподалеку двух девушек. – Помедлив пару секунд, Анна продолжила: – Там неподалеку есть ночной клуб. Очень модный.

– И что? – снова спросила Настя.

Анна стряхнула пепел в бронзовый сапожок и опять взглянула на Настю.

– Минувшей ночью вы с Машкой Ключевой как раз шлялись по клубам... Насть, если ты что-то знаешь, но боишься сказать...

– Я? Боюсь? – Настя усмехнулась. – Я ничего не боюсь.

Анна мягко улыбнулась.

– Знаю, что ты смелая. Я ведь сама занималась твоим воспитанием. Беда в том, что некоторые дуры склонны путать храбрость с глупостью. Я бы очень не хотела, чтобы ты оказалась такой дурой.

– Не волнуйся, я не дура, – заверила ее Настя.

Анна помолчала, задумчиво глядя на сестру, затем непонятно к чему произнесла:

– Патологоанатом извлек пули из тела Литовцевой. И знаешь, что странно?

– Нет, – вяло отозвалась Настя.

«Меня это не волнует», – хотела добавить она, но не стала – не хотелось обижать сестру.

– Пуля самодельная, – сказала Анна. – Со смещенным центром тяжести и крестообразным распилом.

– С каким распилом? – не расслышала Настя.

– С крестообразным, – повторила Анна. – При вхождении в тело жертвы такая пуля раскрывается, как цветок.

Настя отпила кофе.

– Короче, – сказала Анна, – люди олигарха Литовцева ищут тех двух девушек, которые ошивались рядом с местом убийства. Если ты их чисто случайно встретишь, передай им мой номер телефона. Пусть наберут. – Анна вмяла окурочку в пепельницу, вздохнула и сказала задумчивым голосом: – Странные дела творятся в Москве.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовалась Настя.

– «Кривая преступности» вжарила вверх. Все как с ума посходили. На прошлой неделе двадцатитрехлетняя мамочка выбросила в окно двух своих младенцев-близнецов. С девятого этажа. А потом шагнула вниз сама.

– В Москве каждый день такое происходит.

– Верно. Но на столе она оставила записку. Знаешь, что там было?

– Что?

– Что конец света уже пришел, и скоро мы все умрем в страшных мучениях. В тот же день семиклассник-отличник взял кухонный нож и зарезал своих родителей, бабушку и двух сестер. А потом пошел к соседям и убил их. На допросе пацан сказал, что все, кого он убил, были чудовищами.

– Весело, – тихо проговорила Настя.

– Не то слово! – Анна усмехнулась. – Просто жуть. Но это еще не все. За минувший год в Москве пропало в два раза больше людей, чем обычно. Говорю тебе, Настен, этот город сходит с ума. Уж не знаю, с чем это связано. То ли магнитные бури, то ли еще что. Иногда мне кажется, что даже в воздухе как будто гарью откуда-то тянет. Я уже несколько дней это чувствую. А ты?

Настя безотчетно втянула ноздрями воздух. На мгновение ей тоже показалось, что откуда-то тянет гарью, но уже в следующую секунду это ощущение исчезло.

– Ань, ты извини, но мне пора идти. Желаю тебе, чтобы «кривая раскрываемости» тоже рванула вверх.

Настя улыбнулась сестре и вышла из кухни.

По пути в спортклуб она несколько раз ловила себя на том, что подозрительно всматривается в лица прохожих, словно ожидая внезапного нападения. В конце концов Настя решила, что во всем виноват неприятный сон. Некоторые кошмары оставляют после себя стойкое послевкусие, и с этим ничего не поделать.

8

По дороге к метро Настя обнаружила в кармане джинсов кулон на белой цепочке. Он был из белого металла (то ли серебро, то ли платина), а камень на нем был багровый, с алыми прожилками. Остановившись посреди улицы, девушка долго разглядывала кулон, стараясь вспомнить, откуда он взялся. Однако память отказывалась работать. Вчерашний вечер вырисовывался смутно.

Держать незнакомую вещь в руках было почему-то неприятно. Красный камушек показался Насте похожим на налитый кровью глаз. Девушка задумалась. Может, выбросить кулон в урну? Или швырнуть в водосток? Или отдать какому-нибудь бомжу?

Она вздохнула и покачала головой – нет, не пойдет. А вдруг эта вещь и впрямь какая-нибудь проклятая? Или заговоренная? Возьмет ее бомж, повесит на шею, а ночью его сожрут бродячие псы. Или еще чего похуже.

Тогда что же с ним делать, с этим дурацким кулоном?

Едва задав себе этот вопрос, Настя тут же получила ответ. На глаза ей попала вывеска – «Ломбард». И ломбард был не какой-нибудь, а самый что ни на есть знакомый.

С год назад Насте вдруг стало стыдно, что она до сих пор таскает дешевенький кнопочный мобильник. Денег на новый телефон не было, и тогда она отнесла в этот ломбард все свои более-менее ценные вещи. Часы мамы. Довоенную мельхиоровую ложку из набора, подаренного давно умершей бабке самим Молотовым. Серебряное кольцо с черепом, подаренное ей одним однокурсником-сатанистом. Кольцо было магическое – если положить его в ночь перед экзаменом на раскрытый конспект, на экзамене попадется тот билет, который учил перед сном.

Взглянув на вывеску, Настя хмыкнула и торжественно произнесла:

– Это судьба.

Спустившись по ступенькам вниз, она постучала в железную дверь ломбарда. Прошло не меньше минуты, прежде чем глухой голос из-за двери спросил:

– Кто там?

– Иосиф Самуилович, это я, Настя Лаврова. Вы должны меня помнить, я студентка.

– Я вас помню, – отозвались из-за двери. – Но мы еще не открылись.

– Иосиф Самуилович, я принесла вам вещь для залога! Хорошую!

Щелкнул замок, и дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял пожилой мужчина в потертом пиджаке, с выпуклыми, испещренными коричневыми жилками глазами.

– Что вы хотите заложить? – осведомился он.

Настя протянула ему кулон:

– Вот. Достался в наследство от бабушки. Сколько вы мне за него дадите?

Иосиф Самуилович скользнул взглядом по кулону, нахмурился и проговорил с пренебрежением:

– Эта вещь немного стоит. По сути, это просто безделушка.

– Эта безделушка сделана из платины, – возразила Настя наудачу. – А потому не может стоить дешево.

Хозяин ломбарда скривился:

– Девушка, у меня нет никакого резона вас обманывать. Эта платина очень низкой пробы, и ни один ломбард в городе не даст вам за нее больше трех тысяч рублей.

Настя сжала ладонь в кулак:

– В таком случае вы не будете возражать, если я попытаюсь выяснить это сама?

Она уже хотела уйти, но Иосиф Самуилович вдруг схватил ее за запястье.

– Я дам вам четыре тысячи, – сипло проговорил он. Затем выдавил улыбку и добавил: – Я и сам когда-то был студентом и прекрасно понимаю ваше положение.

Что-то в блеске глаз старика не понравилось Насте.

– Спасибо, но я передумала его продавать, – сказала она и высвободила руку.

Потом вновь повернулась, чтобы идти, и в этот миг хозяин ломбарда опять заговорил:

– Этот кулон не принадлежал вашей бабушке, верно?

Настя глянула на него через плечо и спросила:

– А вы откуда знаете?

Иосиф Самуилович прищурил черные глаза, несколько секунд помолчал, а затем выдохнул:

– Тридцать. Я дам вам за него тридцать тысяч рублей. Но этот кулон не стоит таких денег.

– Вот как? Тогда почему вы готовы столько дать за него?

Поняв, что допустил ошибку, Иосиф Самуилович нахмурился и проговорил:

– Девушка, тридцать тысяч – хорошая цена. Никто не даст вам и половины этой суммы.

Вот увидите – вы все равно ко мне вернетесь.

– Ошибаетесь, – возразила Настя. – В городе много ломбардов, и свет не сошелся на вас клином. Всего хорошего!

Она повернулась и двинулась прочь.

– Сколько же вы за него хотите? – крикнул ей вслед ростовщик.

Она остановилась. В голову пришла озорная идея – что, если назвать какую-нибудь фантастическую цену и посмотреть, как на это отреагирует хозяин ломбарда?

Настя медленно обернулась и назвала цену, которая первой пришла ей в голову:

– Десять тысяч долларов.

Лицо Иосифа Самуиловича вытянулось от изумления.

– Вы с ума сошли?

– Не хотите – не покупайте.

Настя отвернулась и снова двинулась к выходу.

– Подождите! – окликнул ее ростовщик взволнованным голосом. – У меня нет при себе таких денег. Но если вы подождете пять минут, я позвоню одному знакомому, и он принесет мне их.

Настя остановилась. Теперь уже ее собственное лицо вытянулось от изумления. Хозяин ломбарда согласился на десять тысяч долларов! Поверить было трудно. А осмыслить – невозможно.

С трудом взяв себя в руки и сделав безразличное лицо, Настя повернулась к Иосифу Самуиловичу, посмотрела на него, прищурилась и уточнила:

– Пять минут?

– Да. – Иосиф Самуилович улыбнулся и пояснил: – Мой знакомый живет недалеко. И у него всегда есть деньги.

Настя задумчиво наморщила лоб, потом вздохнула и сказала:

– Ладно. Я подожду. Но только пять минут.

– Да, да, пять минут! Проходите и присаживайтесь!

Иосиф Самуилович подхватил ее под руку и сам подвел к креслу.

– Посидите здесь, а я быстро! – любезно проговорил хозяин ломбарда и заспешил к подсобке.

Дверь подсобки открылась, впустив Иосифа Самуиловича, а затем плотно закрылась за его спиной. Настя осталась одна. На душе у нее снова стало нехорошо. Никогда еще Настя не видела ростовщика таким любезным. Что-то тут было не так.

Немного поколебавшись, она бесшумно поднялась с кресла, тихо подошла к двери и прижала к ней ухо.

– Нет, – услышала она приглушенный голос ростовщика. – Нет, я не мог ошибиться, это Кулон Чивера!.. Приезжайте и сами все увидите. Так. Так. Нет, девчонка ни о чем не подозре-

вает. И она одна. Думаю, с ней у вас не будет никаких проблем. Нет, я могу справиться с ней и сам, но вам придется за это доплатить...

Настя отпрянула от двери. Сердце ее учащенно забилося, а во рту появился неприятный железный привкус. Она не боялась ростовщика, к тому же он не сказал ничего сверхъестественного. Однако в интонации Иосифа Самуиловича было нечто такое, что заставило отнестись к его словам очень серьезно. А потому Настя не стала медлить. Она повернулась и на цыпочках двинулась к двери.

Только выйдя из ломбарда и переведя дух, девушка вспомнила, что хотела просто избавиться от кулона. Досадуя на себя, она вздохнула и зашагала к метро, надеясь сделать это после занятий, раз уж не получилось сбыть вещь сумасшедшему ростовщику прямо сейчас.

9

После тренировки и учебного боя с приехавшим японским сэнсэем (бой, кстати, прошел неплохо, и она показала себя молодцом) Настя направилась в университетскую библиотеку, намереваясь подготовиться к завтрашнему докладу.

С Машей Ключевой она столкнулась возле метро. Та сидела на лавочке с симпатичным, стройным, совсем юным парнем и потягивала из алюминиевой банки энергетический напиток. Настя, не желая мешать им общаться, хотела проскользнуть мимо, однако это не удалось. Завидев ее, Маша воскликнула:

– Настен!

Настя подошла к подруге, они поцеловались. Настя искоса посмотрела на спутника Маши. Он был светловолосый, худенький, на вид – лет семнадцати.

– Ну? – нетерпеливо спросила Маша. – Чем все закончилось? Кулон той тетке вернул?

– Вернула, – соврала Настя, чтобы избежать расспросов.

– А она чего? – живо поинтересовалась Маша.

– Ничего.

– Как это «ничего»? Что – просто взяла и ушла?

– Угу.

– И даже не поблагодарила?

Настя покачала головой:

– Нет.

– Вот скряга! – выругалась Маша. Затем повернулась к парню, который все это время молча и с любопытством поглядывал на Настю. – Да, кстати, Настюх, это мой брат Илюшка. Ты его должна помнить.

И Настя тут же вспомнила. Ну, конечно! Это Илья! Но, боже, как он вырос за те несколько лет, что она его не видела! Маленький белобрысый мальчишка превратился в красивого юношу с озорным, чуть насмешливым лицом.

– Да... Я помню твоего брата, – кивнула Настя.

Илья быстро встал со скамейки, улыбнулся и протянул ей руку.

– Привет, Настя! – сказал он.

Она пожала его ладонь. Маша хихикнула, повернулась к Насте и сказала:

– Насть, Илюшка только что приехал в Москву из Барнаула и прямо-таки жаждет посетить смотровую площадку! Не могла бы ты проводить его туда? Тебе же почти по пути.

Настя нахмурилась.

– Маш, я вообще-то занята, – сказала она. – У меня доклад по спецкурсу, хочу посидеть в библиотеке.

– Что за спецкурс? – спросила Маша.

– «Сверхъестественные существа: мифы и реальность».

Маша презрительно фыркнула:

– Никогда не думала, что ты интересуешься такой бредятиной!

Настя хотела возразить, но Машка жестом остановила ее.

– Ладно, Насть, ладно. Давай-ка отойдем на пару слов. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Настя пожала плечами и отошла с Машей к соседней скамейке.

– Подруга, выручай, – тихо и взволнованно заговорила Машка. – Я дала Илюхе слово, что свожу его на смотровую площадку, а у меня через полчаса «стрелка» на Парке культуры!

– Ну, не знаю... – неуверенно проговорила Настя.

Маша усилила нажим:

– Настечка, выручи, а? Я же столько раз тебя выручала. И снова когда-нибудь выручу.

Клянусь потерянной девственностью! Ну? Поможешь?

Настя не смогла припомнить, когда это Маша ее выручала, но, будучи девушкой отзывчивой и ценящей дружбу, вздохнула и сказала:

– Ладно. До смотровой провожу, но до дома твоему брату придется добираться самому.

– Спасибо!

Маша чмокнула подругу в щеку и повернулась к брату.

– Илюха, тебе повезло! – громко сказала она. – Настька согласилась проводить тебя на смотровую площадку! Слушайся ее, как родную маму, и будет тебе счастье!

Илья посмотрел на Настю и улыбнулся.

– Все, ребят, я исчезаю! – Маша опять чмокнула Настю в щеку и взъерошила ладонью волосы Илье. – Развлекайтесь!

Она развернулась и заспешила в метро, оставив Настю и Илью стоять друг напротив друга с растерянными улыбками. Вскоре стеклянная дверь крутанулась и поглотила Машу.

Несколько секунд оба молчали, потом Настя поправила на плече спортивную сумку и рассеянно проговорила:

– Как там дела в Барнауле?

– В Барнауле все отлично, – с улыбкой ответил Илья.

– И надолго ты в Москву?

– Пока на пару дней. Но если понравится, останусь подольше.

– Ясно. Ну что – идем?

– Пошли, – кивнул Илья и протянул руку к Настиной сумке: – Давай понесу.

Настя с благодарностью согласилась. Он взял сумку, насмешливо скривился:

– Ты что, в ней кирпичи носишь?

– Что-то в этом роде, – хихикнула Настя.

Илья закинул сумку на худое плечо, и они двинулись к остановке.

10

– А ты повзрослел, – заметила Настя, искоса разглядывая Илью.

– А ты нет, – откликнулся он, глядя на нее насмешливыми голубыми глазами. – Только красивее стала. Может, возьмем по пиву? Или по коктейлю?

– Алкоголь на территории университета не продают, – сказала Настя.

– Тогда колу.

– Возьми себе, если хочешь. А я лучше минералку.

– Следишь за фигурой? – улыбнулся Илья.

Настя хмыкнула:

– Угу. Пока еще есть за чем следить.

– Ясно.

Они подошли к ларьку. Илья купил две бутылки минералки. Одну вручил Насте, другую взял сам. Попивая минералку, они двинулись к смотровой площадке. С полминуты молчали. Первым молчание нарушил Илья.

– Насть, а ты правда меня помнишь? – с сомнением спросил он.

– Конечно. Когда ты приезжал, Машка повсюду тебя с собой таскала.

– Меня ей вечно навязывали, – посмеиваясь, сказал Илья. Покосился на Настю и добавил: – Представляю, как вы с Машкой меня ненавидели.

– Было дело, – согласилась Настя. – Но иногда это было даже весело.

– Точно, – иронично кивнул Илья. – Я даже знаю, когда. Например, когда я увязался с вами на Святое озеро, увяз в болоте и просидел там целый час. А вы в это время загорали в ста метрах от меня и слушали музыку в наушниках.

– В то время мы были не очень внимательными, – кивнула Настя.

– Не то слово. Особенно если учесть, что весь этот час я орал благим матом.

– А где учишься? – полюбопытствовала Настя.

– В Барнаульском меде, – ответил он. – На первом курсе. Буду врачом, как Машины родители. И как Маша.

– Тоже поедешь в Африку спасать чернокожих детишек?

Илья спокойно посмотрел на Настю и необычно серьезно проговорил:

– Если придется, то поеду. Человек обязан совершить в жизни что-то важное и значительное.

Настя хмыкнула.

– Ты прямо как моя сестра Аня. Она тоже любит поморализаторствовать.

– А ты? – поинтересовался Илья. – Ты не любишь?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Все это слишком сложно. Никто еще не доказал, что в нашем существовании есть какой-то смысл. А раз так, то кто скажет, какой поступок важен и значителен, а какой – нет?

...Они остановились у гранитных перил смотровой площадки и залюбовались расстилающейся внизу, за рекой, Москвой.

– Какая красота! – восторженно выдохнул Илья.

– Да уж, – улыбнулась Настя. – Возле этих перил Герцен и Огарев, будучи студентами, давали клятву бороться за свободу человечества. А мой отец сделал предложение матери.

– Знакомая история, – кивнул Илья. И вдруг, рассеянно улынувшись, продекламировал:

...Все любовался бы с Ленинских гор,
Все бы прихлебывал я
В знак уважения теплый кагор
К церкви, крестившей меня.
Здесь родилась моя мама затем,
Чтобы влюбиться в отца,
Чтобы нерусскому слову Эдем
Здесь обрусеть до конца,
Чтобы дитя их могло говорить
(Это дитя – это я),
Чтобы Москвы не могли покорить
Черные наши друзья.

– Красиво, – сказала Настя. – Чьи это стихи?

– Дениса Новикова. Он уже умер.

Они помолчали.

Илья неотрывно смотрел вдаль, на покрытый легкой дымкой огромный красивый город с золотыми маковками церквей.

– Ты часто сюда приходишь? – спросил он.

– Да нет, – ответила Настя. – По крайней мере, реже, чем хотелось бы. – Она взглянула на часы. – Слушай, Илья, ты извини, но мне пора бежать в библиотеку.

Он улыбнулся:

– Понимаю. Сам студент.

– Дорогу к метро помнишь?

– Да. Мы еще увидимся?

– Только если я тебе не надоела, – пошутила Настя.

– Ты мне не надоела, – серьезно проговорил Илья, глядя на Настю спокойно и доброжелательно.

Настя слегка смутилась под его взглядом. Слишком уж не детским он был, этот взгляд.

– Ну, пока!

Она повернулась и быстро зашагала к университетскому зданию.

11

По пути в библиотеку Настя думала о родителях и о том, что с ними случилось.

Авария была очень странной. Начать с того, что Настя находилась в машине вместе с родителями. Она отчетливо видела, как грузовик съехал со встречной полосы и ринулся на их старенькую «Мазду», которую отец купил по случаю у друга и которой страшно гордился как своей первой иномаркой.

Время словно замедлило ход. Грузовик передвигался судорожными рывками, будто с трудом преодолевал его вязкое течение. Но вот стальной бампер грузовика навис над машиной, и Настя отчаянно закричала:

– Папа, он нас раздавит!

Но замедлившееся время коснулось и самой Насти. Слова прозвучали невероятно медленно и тягуче. Отец же, вместо того чтобы крутануть руль вправо и увести машину из-под удара на пустой тротуар, повернул голову и удивленно посмотрел на дочь.

Раздался оглушительный скрежет, и перед глазами у Насти все вспыхнуло. А потом случилось нечто необыкновенное: она почувствовала резкий порыв холодного ветра, и порыв этот подхватил ее, вынес из машины и перенес на тротуар. И тут время двинулось с головокружительной быстротой. Грохот удара, всполох огня, крики людей, вопросы милиционеров и удивленный возглас пожилой докторши:

– Это удивительно! Девочка абсолютно цела!

Потом снова круговорот образов и звуков, а затем чей-то вкрадчивый голос:

– Скажи, ты правда была с родителями в машине?

– Да. Я там была.

Время снова обрело нормальное течение, и Настя увидела, как пожилой доктор отпрянул от нее, качнул головой и, повернувшись к милиционерам, сказал:

– Я, конечно, атеист, но можно сказать, что это настоящее чудо!

А потом началась жизнь без папы и мамы. Поначалу Настю хотела забрать к себе двоюродная тетка, которую она совсем не знала. Но старшая сестра Анна грудью встала на защиту Насти и объявила, что сама сможет о ней позаботиться. Потом был суд, его Настя почти не помнила. Кроме разве что того, как она с яростным криком вырвалась из холодных объятий тетки и прижалась к Анне.

Жили они с сестрой неплохо, но отсутствие мамы и папы чувствовалось всегда и во всем. Привыкнуть к тому, что их нет, было невозможно. Тем более что на стене в гостиной, на самом

видном месте, всегда висела свадебная фотография родителей. На ней папа и мама были молоды и счастливы.

И живы.

Однажды, стоя на мостике через речку-овражек, Настя поссорилась со своими подругами, и одна из них в запальчивости крикнула:

– Твои родители давно сгнили в земле! И туда им и дорога!

Глаза Насти заволокло гневом. Она сжала кулаки и бросилась на теперь уже бывших подруг. Бросок был неудачный, девочка перелетела через перила моста и упала в канаву. Потом были три недели в больнице, которые Настя пролежала с загипсованной ногой.

Когда она вернулась домой, то обнаружила, что свадебная фотография родителей со стены исчезла. В тот вечер между Настей и Анной произошел серьезный разговор. Анна утверждала, что память о родителях не столько помогает, сколько мешает Насте жить. Настя же кричала в ответ, что это ее собственная жизнь и она сама способна определить, что ей мешает, а что нет.

– Ты всегда ревновала их ко мне! – выпалила Настя. – Потому что они любили меня больше, чем тебя!

Некоторое время Анна ошарашенно смотрела на сестру, не в силах произнести ни слова, а потом скривилась и коротко бросила:

– Дура.

После этого вынула фотографию родителей из ящика стола. Настя взяла фотографию, вставила в рамку и снова повесила на стену. Однако через пару дней сама сняла и убрала обратно в ящик.

Жизнь потекла своим чередом. Сестры никогда не упоминали об инциденте с фотографией, но их отношения изменились. Настя, прежде откровенная в разговорах с Анной, приобрела привычку таиться, а когда та спрашивала что-нибудь, в ответ ершилась и нередко отвечала дерзостью.

12

Посидев в библиотеке полтора часа и мужественно просмотрев семь из девяти рекомендованных книг, Настя решила сделать перерыв, отправиться в кафе и выпить пару чашек кофе. Последствия «веселого» вечера и плохой ночи сказывались до сих пор. В висках чувствовалась тяжесть, а на душе скребли кошки.

В скверике перед кафе Настя заметила, что за ней кто-то идет. Но ни испугаться, ни даже насторожиться не успела, потому что негромкий сипловатый голос тут же окликнул ее:

– Девушка, одну минутку!

Настя обернулась. Невысокий коренастый человек, одетый в серый плащ и кепку, медленно приблизился. Холодные, стального оттенка глаза, ямочка на подбородке. Почему-то Насте подумалось, что незнакомец должен держать в руке пакет с продуктами, из которого торчит батон. Однако никакого пакета у мужчины в руках не оказалось. Была только старенькая дешевая трость с крючковатым, посеребренным, но уже изрядно облезшим набалдашником.

Остановившись перед Настей, незнакомец оглядел ее цепким холодным взглядом, который совершенно не подходил к его облику «инженера на пенсии». Затем сипло спросил:

– Ты Настя Лаврова?

– Да. А вы...

– Давай присядем, – незнакомец направился к ближайшей скамейке.

Настя, чуть помедлив, двинулась за ним. Усевшись на скамейку, мужчина пристроил трость между ног и посмотрел на Настю.

– Надо поговорить, – сказал он.

– Поговорить? – девушка внимательнее взгляделась в лицо незнакомца, стараясь припомнить, где она могла его видеть. – А вы, собственно, кто?

– Меня зовут Владимир Иванович.

– А фамилия?

– Жгут.

Мужчина снял кепку, достал из кармана платок и промокнул лысую голову. Затем снова нахлобучил кепку на лысину, посмотрел на солнце и сказал:

– Жарковато сегодня, а?

– Да, – рассеянно отозвалась Настя.

– Гораздо жарче, чем обещал прогноз.

– Да, наверное.

Владимир Иванович вздохнул:

– И давление выше нормы. В такую погоду хорошего клева не жди. Это как пить дать.

Настя не знала, что на это ответить. Жгут снова посмотрел на нее и вдруг спросил:

– Как у тебя со здоровьем, милая?

– До сегодняшнего дня не жаловалась. Послушайте, я не знаю, кто вы такой, но если вы немедленно не...

– Погоди-ка...

Он вдруг быстро поднял правую руку, прижал пальцы ко лбу Насти и громко и веско произнес:

– Вспомнила!

Затем убрал руку и с любопытством посмотрел в побелевшее лицо Насти.

– Вы... Вы тот самый! – с изумлением и ужасом выпалила она.

– Да, – кивнул Жгут. – Я тот самый.

Настя перевела дух.

– Значит, все это мне не приснилось, – дрогнувшим голосом пробормотала она.

Жгут молча кивнул.

– Почему я все забыла? Вы что, стерли мне память?

– Самую малость, – ответил Жгут.

Настя пристально посмотрела на «пенсионера» и вдруг спросила:

– Вы экстрасенс?

– Скорей, наоборот, – непонятно ответил он.

– Что значит «наоборот»?

«Пенсионер» снова взглянул на небо и задумчиво произнес:

– Клева в ближайшие дни точно не будет.

– Что вы мне голову морочите? – воскликнула Настя. – Как вы меня нашли?

«Пенсионер» сдвинул кепку на затылок:

– Как нашел? Ты же сама сказала, что учишься в универе, на историческом. Я зашел в секретариат, представился твоим дядей из Кулунды...

– У меня нет дяди в Кулунде, – возразила Настя.

– Знаю, – иронично произнес Жгут. – Но в секретариате этого не знали. Я был убежден, и мне поверили. Остальное – дело техники.

– Кто были те люди, которые напали на меня вчера вечером? Откуда они взялись?

– Не уверен, что тебе нужно это знать... – начал Жгут, но Настя его перебила.

– Если вы не заметили, я *уже* знаю слишком много, – с вызовом сказала она. – Я видела, как жена олигарха Литовцева бежала за машиной. Видела, как вы в нее выстрелили.

Владимир Иванович немного помолчал, а затем согласился:

– Ты права. Пожалуй, я и в самом деле должен ответить на пару-тройку твоих вопросов. Но сначала я спрошу сам. Скажи-ка, милая, ты не замечала за собою слежки? Это очень важно. И не только для меня, но и для тебя.

Настя хотела возмутиться, но передумала.

– Несколько раз мне казалось, что за мной следят, – сказала она после паузы. – Но я в этом не уверена.

Жгут вздохнул:

– Хреново. *Эти* зря следить не станут. Наверняка ты что-то у них забрала. Ну, колись – забрала, а?

– Ну... была одна вещь, – нехотя призналась Настя. – Только я ее не забрала, а нашла. И хотела вернуть, но эти бандиты...

– Что за вещь? – перебил Жгут.

Настя вздохнула и полезла в карман куртки. Вынув из кармана кулон, она показала его Владимиру Ивановичу.

– Вот. Его обронила та женщина. Литовцева. Перед тем, как... как все началось.

Владимир Иванович прищурил свои серые глаза и внимательно оглядел вещицу.

– Гм, – задумчиво проговорил он. А затем спросил: – Ты ее кому-нибудь показывала?

– Да, – кивнула Настя, чуть покраснев. – Сегодня утром я носила этот кулон в ломбард.

Жгут посмотрел на нее строго-ироничным взглядом.

– Хотела заложить чужую вещь?

Настя покраснела еще больше.

– Ладно, не напрягайся, – успокоил ее Владимир Иванович. – Лучше скажи, почему кулон все еще у тебя?

– Ломбардщик был какой-то странный, – объяснила Настя. – Когда я отказалась продавать кулон за три тысячи рублей, ростовщик тут же предложил мне тридцать. И глаза у него при этом были такие, словно он готов оторвать у меня кулон вместе с рукой. Тогда я запросила... десять тысяч долларов.

Жгут присвистнул.

– Неслабо. А он?

– Он согласился.

Владимир Иванович искоса посмотрел на Настю.

– Почему же ты его не продала?

– Ростовщик сказал, что у него нет при себе таких денег, и попросил подождать.

– Чего подождать?

– Пока он позвонит какому-то богатому другу, и тот подвезет ему деньги. Но пока он звонил, я подошла к двери подсобки и подслушала его разговор. И этот разговор очень сильно мне не понравился.

– Почему?

– Мне показалось... – Настя запнулась, но сделала над собой усилие и договорила: – Мне показалось, что они собираются меня прикончить. Чтобы забрать кулон силой. Это, конечно, чепуха, но...

Настя снова сбилась. Поглядывая на кулон, который она все еще держала в пальцах, Жгут задумчиво поскреб пальцами небритую щеку.

– Интересно, интересно... – пробормотал он. – Так, говоришь, ростовщик сильно заинтересовался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.